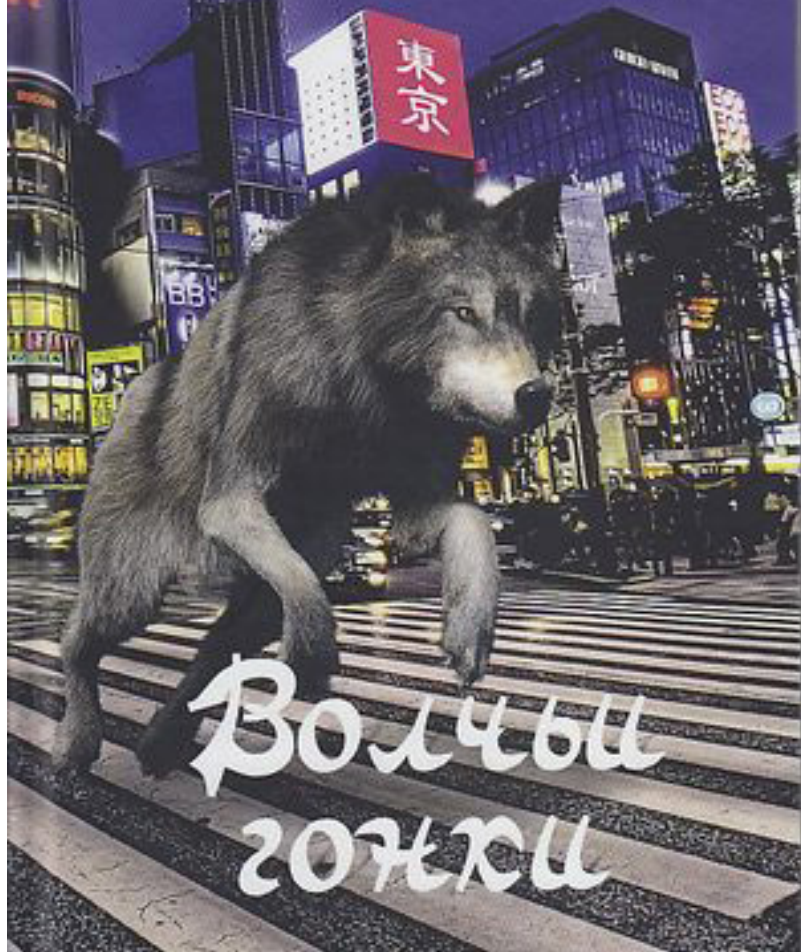

Николай Герошкин

Волчи
207XU

Николай Александрович Геронин

Волчьи гонки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51747534
Волчьи гонки: Дашков и К°; Москва; 2021
ISBN 978-5-394-04194-5

Аннотация

Главный герой романа Николая Геронина «Волчьи гонки» оперативник Юрий Веригин очень успешно действует в Японии в качестве разведчика под прикрытием. Он виртуозно уходит от слежки, филигранно вступает в контакты с агентами.

Веригин по праву считается звездой токийской резидентуры. Руководство поручает ему самые сложные и опасные задания.

Служба в разведке является для Юрия призванием, делом всей его жизни. Он рассматривает эту деятельность как высшее проявление служения Отечеству. Для него нет более важной и ответственной миссии, кроме как отстаивание интересов своей страны. И разведка предоставляет ему этот шанс, давая возможность в экстремальных условиях добывать ценнейшую секретную информацию ради обеспечения безопасности Родины.

Но не всё зависит лично от Юрия Веригина. Непредвиденные, форс-мажорные обстоятельства вмешиваются в судьбу этого стойкого, самоотверженного человека, поставившего исполнение профессионального долга выше личных интересов.

3-е издание, с изменениями

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

127

Николай Геронин

Волчьи гонки

© Геронин Н. А., 2019

© Геронин Н. А., 2020, с изменениями

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2020, с изменениями

* * *

Посвящается Николаю

Часть первая

Переулок в районе метро «Арбатская» в Москве. Постройки здесь – в основном старинные особняки. Некоторые из них выходят прямо на улицу, на тротуар. Другие стоят на второй линии, со сквериками перед ними.

Отреставрированное здание с палисадником, отделяющим его от проезжей части. Черный металлический забор с автоматическими воротами и калиткой.

Из массивной двухстворчатой деревянной двери с толстыми стеклами пружинистой походкой вышел молодой мужчина среднего роста, темноволосый. Спортивного телосложения, собранный. Он в сером костюме, голубой сорочке и светлом галстуке. В эту теплую погоду – ведь уже начало лета. Лето – летом, а работа – работой. Вернее – пока учеба. К тому же не за горами время, когда придется ходить в темном костюме, правда из тонкой ткани, в гораздо более жаркую погоду.

Юрий Веригин покинул территорию условной «резидентуры» и направился вниз к «Кропоткинской». Приобрел в вестибюле билет и спустился вниз по ступенькам.

Утреннее время, когда москвичи спешат на работу, уже миновало. Людей не так много, но в столице в метро никогда не бывает абсолютно пусто.

Среди пассажиров, спешивших по лестнице на платфор-

му, находился и мужчина средних лет в черных брюках и серой тенниске. У него светлые волосы, короткая прическа ежиком.

Веригин сел в вагон поезда по направлению в сторону от центра. Мужчина с ежиком вошел в тот же вагон, но в соседнюю дверь.

На станции «Парк культуры» Веригин вышел из вагона и направился на переход на кольцевую линию. Светловолосый мужчина с короткой стрижкой пошел в противоположную сторону к выходу в город.

Среди пассажиров, устремившихся на «Парк культуры-кольцевую», был и парень лет под тридцать в джинсах, футболке и кроссовках. У него довольно длинные волосы, которые прикрывали сзади часть шеи, а спереди спадали на лоб.

На «Комсомольской» Юрий вышел из поезда и направился к эскалатору, чтобы подняться на поверхность, на свет божий.

Парень с длинными волосами последовал за ним, держа дистанцию.

Выйдя на улицу, Веригин снял пиджак, вполне естественно слегка повернув голову в сторону, что позволило увидеть, что творится справа и немного сзади. Повесил пиджак на согнутую левую руку, молниеносно разглядев происходящее с этой стороны. Парня с длинными волосами нигде не видно.

Войдя в здание Ленинградского вокзала, Веригин подо-

шел к табло с расписанием движения поездов на Ленинград. Внимательно изучил расписание, посмотрел на часы. Можно подумать, он немедленно отправится в поездку!..

От Ленинградского и Ярославского вокзалов Веригин через площадь пошел к Казанскому вокзалу. К нему вразвалочку подошел таксист.

– Куда поедем? Беру по таксе, без обмана доставлю в любое место столицы!

– Пока никуда не еду. Как надумаю, обращусь к тебе все- непременно! – ответил Веригин.

– Понтуешь, командир? Как ты меня найдешь?

– Вычислю по говору. Чую, что ты не москвич, будешь меня спрашивать, как лучше проехать.

– Да, пошел ты!

– Я и иду. Так что отстань до лучших времен!

К Веригину подскочил мужичонка невзрачного вида. Приблизившись слишком близко для незнакомого человека, мужичонка быстро выпалил:

– Приезжий или местный? Хотя без разницы, наплюй и разотри!

– В чем дело, мужик?

– Девочками интересуешься? Могу подогнать, тут неподалеку.

– Интересуюсь, интересуюсь!..

– Бабло покажи!

– Интересуюсь, но не на твоём уровне.

– А что уровень? У нас телки что надо!

– Слабо показать их?! Я кота, вернее, кошку в мешке не собираюсь покупать!

– Пошли за мной! Сам увидишь.

Веригин проследовал за мужичком. Они прошли мимо заднего входа на платформы и скользнули за пакгаузом в глухой тупик. Подошли к неказистому «рафику» со шторками на окнах.

Сутенер три раза слегка постучал в дверь микроавтобуса. Она медленно открылась, и из салона выползла мамка. Лет сорока-шестидесяти, возраст было трудно распознать под толстым слоем дешевой косметики.

Оглядев с ног до головы потенциального клиента, мамка обратилась к мужичку:

– Это клиент или так, лох ползучий?

– Покажи товар ему, тогда и узнаем, что это за птица! Фазан или трясогузка мелкотравчатая?

– Мой товар скоропортящийся! Девки исходят слюной.

– Давай их сюда, хватит базарить!

Мамка молча кивнула. То ли увидев ее знак, то ли действуя по наитию, девицы вылезли наружу.

Первой вышла здоровенная крашенная пергидролем блондинка в сверхкороткой юбке. Ноги плотные, ровные. Но сильнее всего внимание привлекала грудь. Поистине большая и при этом высокая, не клонящаяся долу. Бюст буквально почти вышибал пуговицы на обтягивающей роскошное

тело блузе.

Второй была черноволосая, тоже крашенная. Поменьше по габаритам, но опять же вызывающе яркая.

Третья – темно-русая, с волосами естественного цвета. Худая, как селедки в рыбном отделе заштатного магазина. И одета очень блекло.

Четвертая – очень толстая. Волосы – рыжие, тело какое-то такое, как будто это хлеб пекли в деревенской печке.

Последней вышла девушка – очень скромная на вид. Светловолосая, с хвостиком, как у прилежной ученицы. Голубая блузка с длинными рукавами, темно-синяя юбка чуть ниже колен. Дешевенькие туфельки без каблучков.

Девушки выстроились в шеренгу.

Веригин обошел строй. Дольше всего он задержался перед «школьницей».

Как она попала сюда? Что заставило выбрать скользкий и опасный путь? Видимо, из глухой, беспросветной провинции, где нет надежды найти не то что достойную, а вообще работу. Что ждет ее? Венерическое заболевание или удар ножом в живот пьяного клиента с агрессивными наклонностями?

– Ты кого мне, мужик, показываешь? Неужели ты думаешь, что я клюну на эту дешевку?!

– Телки фартовые!.. А если дешевые – плати больше! Мы не откажемся! – подмигнул мужичок, обращаясь уже к мамке.

– Мы за ценой не постоим! Главное – качество товара.

– Вот, это уже другой базар! Хошь, прямо здесь в микро-автобусе оприходууй. Другой расклад – на хату отвезем. И на полдня, и на сутки. Одну Ляльку или двух Лялек.

– Ты мне еще мамку предложи!!!

– А что? И на нее бывает спрос. Все зависит от клиента.

Разные фуфелы попадаютя!..

– Ты zenки распахни! Посмотри, кому пургу несешь! Неужели непонятно, что я не фраер? Не до тебя и твоих сикух! Я с ними рядом не сяду, не то что в постель с ними ложиться!..

– Шибко грамотный! – прошипел сутенер. – Если ты птица такого высокого полета, то что околачиваешься на площади Трех вокзалов? Я тебя тут уже четверть часа, как приметил.

– А за мной никого не приметил? Никто не топал вслед мне? – под дурачка спросил Юрий.

– Чего?! – не понял мужичонка – Вроде никто за тобой не топал. Я не углядел никого. Да ну тебя, лучше от тебя подальше!

Так и не поняв, что из себя представляет этот несостоявшийся клиент, по виду – фраер, а по базару – крутой, сутенер отвалил. Зря только потратил драгоценное время!..

В особняке в переулке в районе метро «Арбатская» внутри пусто, народ не спует по коридорам.

В солидном кабинете, обставленном хорошей офисной мебелью, без излишеств, за письменным столом расположился начальник среднего возраста с седеющими волосами, расчесанными на пробор. У приставного столика примостился его заместитель – постарше, полноватый, с темно-русой шевелюрой без заметной седины.

– Завершается экзамен? – спросил начальник. – Все вернулись на базу?

– Почти все. Но с переменным успехом, – ответил зам.

– А как Веригин? Как у него дела? Уже доложили по связи?

– Пока он не вернулся. Все еще водит наружку.

– На Веригина мы возлагаем большие надежды. И ум, и решительность ему не занимать!

– Еще очень важно оперативное чутье! Вот, помню, в Лиссабоне...

– Да ладно вам с Лиссабоном, это уже все миновало, все прошло. Вот сегодня ребята, можно сказать, проходят боевое крещение. Ведь служба наружного наблюдения хочет лишний раз доказать, что она не лыком шита. Выкладывается по полной, даже больше, чем в повседневной работе с

иностранцами.

– Посмотрим, как Веригин покажет себя. По всем дисциплинам у него – отлично. Но уход от наружного наблюдения – важнейший показатель оперативной работы, – заметил заместитель.

– То, что Веригин сможет работать в оперативной игре против потенциального противника – абсолютно точно, как то, что Потомак течет в Вашингтоне. Вопрос в другом, – создал интригу начальник.

– В чем же, если не секрет? – спросил заместитель.

– Какие у нас с вами секреты? Их уже не замечаешь, потому как все – секретно.

– И все же, Евгений Степанович?

– От того, как Веригин сдаст сегодняшний экзамен, зависит его назначение. Если успешно проскочит, то рекомендуем его в посольство. Провалит – направим в генеральное консульство. Там, не в столичном городе, все же попроще и примитивнее.

– Везде оперативная работа важна.

– Конечно, важна, кто же спорит! Только степень важности отличается, как и уровень подготовки и возможности оперативного сотрудника.

* * *

Веригин покинул здание Казанского вокзала и двинулся

к путепроводу под железной дорогой. Потом – налево, через Орликов переулочек вышел на Садовое кольцо.

Подошел к забегаловке, в которой продавались пирожки, булочки, а также жидкий кофе с пенками, неестественно черный чай и фруктовая вода в бутылках.

Кафешка представляла собой небольшой павильон с широкими окнами. Оттуда открывался прекрасный обзор наружу.

– Мне, пожалуйста, булочку и бутылочку воды! – обратился Веригин к продавщице за стойкой, выбрав самые безопасные виды продовольствия, которыми здесь торговали.

В кафешку вошла молодая парочка, державшаяся за руки. Парень в джинсах и рубашке и девушка в мини-юбочке и кофточке с короткими рукавами.

Парень обратился к девушке:

– Так, что возьмем? Пирожки или булочки?

– И то, и другое!

Не отходя от стойки, они стали ждать заказ.

Когда продавщица выдала им положенное по заказу, и они с подносами направились к свободному круглому столику на куриной ноге, Веригин молниеносно проглотил кусок булочки и стремительно вышел на улицу.

Оторопевшие парень и девушка быстро поставили подносы на столик. Парень тут же вытащил миниатюрную рацию из кармана джинсов и выскочил на улицу.

– Объект выскользнул на улицу! – прокричал парень. –

Жду указаний.

Получив указание, парень ответил:

– Понял! Действуем по второму варианту.

Веригин быстро пошел в сторону гостиницы «Ленинградская» обратно к Казанскому вокзалу.

В довольно темном переходе под железной дорогой Веригин остановился и оглянулся назад. Вроде бы никого не было на хвосте. Он повернул назад и проследовал направо к Каланчевской улице и затем к Садовому кольцу. Там сел в троллейбус и поехал по внутренней стороне кольца к Красным воротам.

Пошел опять к площади Трех вокзалов. Там воспользовался входом в метро «Комсомольская».

С «Комсомольской-кольцевой» зашагал по длинному переходу.

Потом вступил на эскалатор, который полз вверх. Пожалуй, это самый длинный эскалатор в Московском метрополитене. Он медленно тянулся под углом.

Наверху, уже на станции «Комсомольская-радиальная», народу было поменьше, чем на кольцевой.

Веригин стал ждать поезд, идущий в сторону «Сокольников».

Поезд подошел, но Веригин в него не сел.

Дождался следующего состава. Тут на противоположной платформе, выпучив глаза-фары, подкрался поезд в сторону «Университета».

Веригин рванул на противоположную сторону платформы и в последний момент вскочил в вагон. В соседние двери успела сесть женщина средних лет в спортивных куртке и штанах, коротких резиновых сапогах. С плетеной корзиной, прикрытой сверху газетой. Не иначе, как грибница.

Веригин встал спиной к дверям с противоположной от входа стороны.

Женщина с корзинкой уселась на сиденье, ближайшее к выходу.

Поезд проезжал одну станцию за другой. Пассажиры выходили и входили. Веригин так же стоял, слегка прислонившись спиной к двери.

Грибница каменным изваянием сидела на своем месте.

На подъезде к станции «Парк культуры» Веригин подошел к дверям на выход. Но когда состав остановился, не вышел на платформу.

Женщина с корзиной сидела на своем месте, не шелохнувшись даже тогда, когда Веригин приблизился к дверям!

Веригин сел на свободное место на противоположной стороне от выходных дверей и слегка сомкнул веки, задремав на несколько минут.

Он так и не размыкал век всю оставшуюся часть пути.

Сидел с закрытыми глазами и на станции «Ленинские горы».

Но когда двери стали закрываться, Веригин рванул со спринтерской скоростью к дверям и в последний миг про-

сунул ладони между уже почти сомкнувшимися дверями. С силой разжав их, он уже на ходу выскочил на платформу.

Грибница рванула было за ним. Лишние доли секунды у нее ушли на то, чтобы отбросить в сторону корзину. Но уже все было бесполезно. Она не успела проскочить через дверь вслед за объектом.

Поезд набирал скорость по огромному метромосту над Москвой-рекой. Веригин слегка помахал ручкой «грибнице». Она, судя по движению губ, грязно выругалась в ответ...

Спустившись на набережную Лужников, Веригин сел в речной трамвайчик, очень удачно подошедший в этот момент к пирсу.

У Киевского вокзала Веригин вышел на берег и направился к стоянке такси. Дождавшись своей очереди, он взял таксомотор, но проехал на нем всего несколько сот метров. Бросив на сиденье несколько купюр, Веригин выскочил из машины, когда она остановилась на красный сигнал светофора.

Побежал назад. Сел в троллейбус и проехал на нем через Смоленский мост.

У гостиницы «Белград» вышел из троллейбуса и пересек Садовое кольцо.

Зашел в гастроном рядом с МИДом. Потом переулками добрался до Бульварного кольца. Не спеша пройдя по Гоголевскому бульвару от «Кропоткинской» к «Арбатской» половину пути, перескочил через поток машин на левую сторону. И уже потом опять же полубезлюдными переулками

устремился обратно на базу.

* * *

Вернувшись поздно вечером домой в свою квартиру на Беговой улице, Юрий не сразу известил Елену о надвигающихся событиях. Он решил не спешить и сообщить главную новость в своей жизни, не торопясь, с расстановкой.

– Сегодня все определилось. Я прошел последнее испытание! – с плохо скрываемой гордостью заявил Юрий.

– Надеюсь, успешно.

– Успешно. Даже очень успешно!

– И чем это обернется для нас? – как можно спокойнее спросила Елена.

– Поедем в посольство.

– И когда же? Ты скажи заранее! Мне ведь надо подготовиться!

– Не только тебе, но и мне нужно подготовиться.

– Какая еще подготовка? Сколько можно готовиться!

– Посижу годик в МИДе – и в Токио!

– Дежурным референтом?

– Обижаешь, мать!..

– Получишь ранг атташе?

– Бери выше! Я же отличник и перспективный сотрудник.

– Ну, не томи, говори же наконец!

– Сказали, что буду работать третьим секретарем посоль-

ства.

– Вот это да-а!

– Кстати, и тебе предложат пройти определенную подготовку.

– Какую же? Надеюсь, не стрелять по-македонски с двух рук, – сыронизировала жена.

– Ты не ёрничай! Во-первых,ознакомишься с определенными правилами поведения в дипломатическом корпусе.

– Научат как правильно пользоваться вилкой и ножом?

– Ну, эти премудрости ты и так знаешь! А вот, например, какое платье надеть на коктейль-парти и какое – на официальный прием?

– Ты решил устроить мне экзамен? Решил меня подколоть?

– Не собираюсь тебя экзаменовать.

– То-то же! – торжествующе заключила Елена.

– Но отнюдь не лишне тебе узнать, что на коктейли одевают платья чуть выше колен, а на приемы – длинные платья до пят.

– Велика премудрость! – презрительно ответила супруга.

– Конечно, тут ничего сложного нет. Но тебе предложат пройти и иную подготовку.

– Какую же? Как беспрестанно улыбаться всем японцам и японкам подряд?

– Этому тебя никто не будет учить. Но ты попала в точку. Когда японец разговаривает с собеседником, то непременно

улыбается. Не улыбаться при разговоре с другим человеком считается невежливым. У них это не принято. Они улыбаются даже тогда, когда вынуждены сообщить прискорбную весть.

– У них начальники с подчиненными тоже разговаривают, улыбаясь?

– Нет, в этом случае начальник отнюдь не улыбается, а вещает весьма строго и даже грубовато. И чем ниже подчиненный по служебной лестнице, тем строже с ним говорят.

– Весьма занятно и интересно...

– Если вернуться к разговору о тебе, то будешь заниматься, в том числе, с психологом.

– А зачем он мне нужен? Нервы, вроде бы, в порядке!

– Психолог поработает с тобой на предмет адаптации к условиям постоянной занятости мужа. Я ведь все время буду пропадать на работе. И по работе...

– Пойду на курсы кройки и шиться или заведу любовника из числа японских миллионеров! – с вызовом сказала Елена.

– Не вздумай там так шутить!.. Помни, что все разговоры прослушиваются. И в посольстве, если находишься в незащищенном помещении, и дома.

– Вот ужас! Постоянно сдерживать себя!..

– И телефоны все на прослушке. Надо всегда быть настороже, в постоянной готовности!

– К чему?

– Ко всему!!!

Токийский залив накрыли легкие сумерки. Торговые суда застыли на рейде. Прогулочные теплоходы притулились у пристани, никому не нужные до утра, когда туристы заполнят палубы. Суда заскучали до следующего дня.

К заливу подходит от центральной части огромного мегаполиса Харуми-дори, которую пересекает Сёва-дори. Пересечение этих улиц – сердцевина квартала Гиндза. Уже засветившаяся реклама делает Токио особенно ярким и привлекательным.

В начале Харуми-дори – огромная площадь. За ней – ров с водой, по сути канал, окаймляющий территорию императорского дворца. Каменные стены над рвом служат опорой некоторых построек на дворцовой территории.

Улица левее императорского дворца, если смотреть на дворец, стоя спиной к Токийскому заливу, ведет к Роппонги. Это один из центральных районов Токио. Здесь находятся офисы некоторых крупных компаний, посольства ряда зарубежных государств, дорогие апартаменты, арендуемые бизнес-элитой и звездами шоу-бизнеса. Ну и, конечно, магазины и рестораны, ночные клубы высшего разряда.

Район Роппонги служит пристанищем как для служащих компаний – это днем, так и для посетителей популярных ресторанов и элитных ночных заведений – вечером и ночью.

Подобное смешение стилей и образов жизни придает Роппонги особый шик и своеобразие.

В квартале Адзабудаё района Роппонги расположено посольство СССР. На территории посольства находятся административное и жилое многоэтажные здания, двухэтажная пристройка к жилому зданию, в которой размещается клуб. Часть пристройки, выходящая на улицу, служит офисом для консульского отдела. В приемные часы открывается дверь, ведущая прямо на улицу.

Фасадная часть посольской территории выходит на довольно широкую улицу. Две боковые части смотрят на узкие переулки. А задняя сторона территории, где устроена волейбольная площадка, граничит с двором японского жилого дома. Японцев там не слышно и не видно. А когда по выходным дням сотрудники посольства и члены их семей режутся в волейбол, шум смачных ударов по мячу и возгласы игроков и болельщиков слышны если не по всей округе, то во всяком случае по соседству с советским посольством.

* * *

Помещение резидентуры занимает один из этажей белого многоэтажного здания советского посольства. Как и во всех учреждениях – коридор, в который выходят двери кабинетов.

В кабинете резидента, среднем по размеру, с недлинным

столом для совещаний и портретом Брежнева на стене, находились сам резак (так за глаза сокращенно называют резидентов их подчиненные), его заместитель и Веригин.

Резидент – высокий мужчина атлетического сложения, с не затронутыми сединой русыми волосами, ему еще нет пятидесяти. Он – бывший пограничник, сохранил военную выправку и манеры, дух строевика.

Заместитель резидента – старше него лет на пять. Он невысокий, сухощавый, голова уже покрыта в значительной степени сединой. Замы обычно тянут основную лямку по службе.

Веригин – самый молодой из троих собравшихся и самый современный, универсальный по виду, если так можно выразиться. Его типаж подходит и для многообещающего управленца, и для талантливого ученого. Но он – сотрудник разведки, причем его природные данные – ум, смекалка, хладнокровие, его профессиональная подготовка говорят о том, что из него может получиться разведчик высочайшего уровня. И профессионалы разведки знают это и готовят его к самым ответственным заданиям.

– Веригин, ты прибыл к новому месту службы, – начал разговор резидент. – Надеюсь, надолго. Это будет зависеть и от тебя, и от факторов, не связанных с тобой.

– Постараюсь оправдать доверие, товарищ генерал! – четко проговорил Веригин.

– Не «постараюсь», а «оправдаю!» На тебя у нас большие

виды. Верно, Октябрь Ильич?

– Так точно! – отозвался заместитель резидента.

– Характеристика на тебя, Веригин, пришла просто прекрасная. Остается делом доказать, что Центр в тебе не ошибся.

– Первое время не лезьте в пекло! – встрял в разговор заместитель. – Не старайтесь сразу произвести вербовку. Еще успеете завербовать и получить внеочередную звездочку.

– Пока работай как обычный дипломат. Тебе нельзя задымить¹. В свое время на тебя будет возложена особая миссия.

– Но это не значит, Юрий, что будете все время протирать штаны в кабинете как заурядный шпак, – пояснил заместитель резидента. – Оперативной работы хватит и на вас.

* * *

Тяжелые металлические ворота посольства СССР в Японии медленно открылись. Серый «ниссан-скайлайн» Веригина выехал за пределы дипломатической миссии, спустившись немного вниз с посольской территории на проезжую часть.

Прямо напротив выезда из посольства на противоположной стороне улицы – лавка деликатесов. Там продают маринованные огурчики из Германии, йогурт из Болгарии, япон-

¹ Задымить (профессиональный сленг) – выдать себя контрразведке страны пребывания.

ские колбаски, ветчину и многое другое. Этот магазинчик – с «двойным дном». Помимо своих прямых функций выполняет и иную задачу: служит негласным опорным пунктом наблюдения за советским посольством. Там установлены телекамеры, денно и нощно фиксирующие всех, кто въезжает на территорию посольства и выезжает оттуда. В задней комнате располагаются дежурные офицеры иностранного отдела Токийского управления полиции. Офицеры – в штатском, но с рациями. Рядом с «Деликатессен» – углубление в соседней постройке, служащее стоянкой для двух автомашин, которые находятся здесь круглосуточно. Когда одна из них выезжает на задание, ее тут же подменяет другая машина, стоящая на приколе в соседнем переулке.

Посольство Советского Союза находится в той части Роппонги, которая ближе к Токийской башне, а не к Аояма-дори, одной из центральных магистралей огромного мегаполиса. Аояма-дори практически по прямой соединяет районы Тюо-ку и Сибуя-ку. Веригин повернул из посольства налево как раз в сторону Аояма-дори. Одна из машин на стоянке рядом с лавкой деликатесов тут же устремилась вслед за его «скайлайном».

В зеркальце заднего обзора Веригин прекрасно видел этот черный автомобиль с полицейскими в штатском. Автомашина тоже имеет, на первый взгляд, «штатский» вид. Среднего размера, но наверняка, с форсированным двигателем. От такого авто не оторвешься на огромной скорости на хайвэе.

Из окна посольства Юрий часами наблюдал в бинокль за водителями и пассажирами этих дежурных автомобилей. Когда они выезжали за очередной посольской машиной, удавалось мельком разглядеть некоторых из них. Одеты в черные костюмы, белые сорочки с темными галстуками. Жесткие, неприятные лица.

Веригин закладывал в память эти лица. Чтобы потом при случае можно было опознать этих ищеек, когда они уже «в пешем строю» пойдут по его следу где-то в городе.

На Аояма-дори Веригин повернул налево, в сторону вокзала Сибуя. Площадь перед этим вокзалом – одна из самых известных в Токио. Когда в кинохронике или по телевидению показывают Токио, то обычно дают картинку именно этой площади. Вокзал Сибуя служит пересадочным узлом для нескольких железнодорожных веток. Сюда же сходятся линии метро. Когда площадь пересекают по диагональным наземным переходам пешеходы, то она сплошь усеяна людьми, которые движущейся лавиной накрывают все пространство между зданиями универмагов и офисов.

Эти здания поистине многофункциональны. В нижних этажах размещаются магазины, а в верхних – всевозможные компании. Но это еще не вся начинка подобных монстров. Здесь же находятся станции метрополитена и городской железной дороги. Прямо с платформы можно попасть по короткому переходу в торговое чрево.

На полпути к вокзалу Сибуя Юрий свернул на неболь-

шую стоянку перед супермаркетом. Все продукты там уже упакованы и имеют наклейки с указанием веса, цены за килограмм и стоимости данного товара. Юрий вспомнил продовольственный магазин на Беговой, где приходилось дарить мелкие иностранные сувенирчики, – шариковые ручки, жевательную резинку, подаренные ему приезжавшими из-за границы в отпуск коллегами, – мяснику, чтобы тот отрубал мясо с костями, которые все же не превышали бы по количеству мякоть. Правда, мякоть в этом случае имела чисто условное значение, она была тверда, как рука Гриши, рубившего тушу на деревянном чурбане.

Черная машина с полицейскими в штатском припарковалась вслед за автомобилем Веригина. Двое из машины проскользнули в супермаркет. Два человека необходимы для того, чтобы в случае необходимости один из них последовал дальше за объектом, а другой устремился бы за тем, с кем объект встретился. В машине остались водитель и еще один шпик. Если объект выскочит, впрыгнет в автомобиль и помчится, они не станут дожидаться напарников и устремятся в погоню.

Но Веригин не стал отрываться от назойливых сопровождающих лиц. Он не пошел ни с кем на молниеносный контакт, не закладывал «почтовый ящик». Ведь он – «чистый»²! Обычный сотрудник посольства, работник МИДа.

² Чистый (профессиональный сленг) – заграничник, не имеющий отношения к спецслужбам.

Они должны съесть эту наживку!..

Купив кока-колу и сигареты, Юрий продолжил путь по Аояма-дори к Сибуя. От привокзальной площади он повернул направо в сторону Яматэ-дори. На пересечении этой улицы с Косюкайдо – магистралью, идущей от Синдзюку в пригороды, – Веригин повернул под хайвэем налево. Когда он заканчивал поворот, то уже горел желтый сигнал светофора. Тут же зажегся красный свет для автомашины с полицейскими в штатском. Автомобиль не остановился на запрещающий сигнал светофора, а один из полицейских высунулся с переднего сиденья в окно и замахал полосатым жезлом, призывая участников дорожного движения пропустить их автомобиль. Слежка шла практически в открытую.

Проехав метров триста, Веригин повернул направо в узкий переулок. Справа выделялось четырехэтажное здание местной больницы, слева виднелся шестиэтажный жилой дом «Кокутэцу» – Государственных железных дорог. После дома железнодорожников через проулочек раскинулась скрывавшаяся за забором небольшая территория отделения советского информационного агентства в Токио, где высажены деревья, уже успевшие вымахать до уровня второго этажа трехэтажного здания отделения.

Веригин въехал во дворик отделения агентства, а полицейская машина припарковалась у приемного покоя, хотя там висела вывеска «Только для автомобилей скорой помощи». Кстати, вспомнил Юрий, скорая помощь в Японии от-

носится к пожарному ведомству, поэтому водитель и фельдшеры скорой помощи одеты в синюю пожарную форму, поверх которой – белые халаты, а на голове – белые каски.

Первый этаж отделения агентства отведен под служебные помещения, а на втором и третьем этажах живут сотрудники с семьями.

Все корреспонденты размещались в одной большой комнате. Из нее одна дверь вела в крохотную комнатку, где стояли два телетайпа, принимавшие информацию японского информагентства на японском и английском языках. За другой дверью находилось помещение, где размещались телетайпы, по которым из Токио в Москву перегонялись сообщения корреспондентов советского агентства.

– Приветствую тружеников пера! – поздоровался Веригин с журналистами.

– Здравствуйте, дорогой товарищ Веригин! – откликнулся заведующий отделением Сергей Михайлович Востроухов, лысеющий мужчина за пятьдесят, для которого это была уже третья длительная командировка в Японию по линии агентства.

– Вообще-то для нас основное орудие производства – пишущая машинка или телетайп! – встрял в разговор Леонид Торопов, молодой корреспондент примерно одного с Веригиным возраста. – А что для дипломата главное – ноги или уши?

– Зубы! – парировал Юрий Веригин. – Держать их зажа-

тыми при общении со своим начальством. Ну и, пожалуй, уши и глаза, чтобы фиксировать все, что узнаешь.

– Чем можем помочь, Юрий? – спросил Востроухов.

– Сергей Михайлович, хотел бы почитать информацию по некоторой тематике.

– И какой же, если не секрет?

– Какой же секрет, если я прошу вас оказать мне содействие! Я интересуюсь японо-американскими отношениями.

– Вон возьми папку на эту тему на втором стеллаже! – указал Востроухов на книжную полку, где выстроились в ряд папки с наклейками с разными названиями.

– Подшивки ваших аналитических материалов я, конечно же, не прошу, – сразу же отметил свою скромность Веригин. – Ведь вы отправляете их дипломатической почтой. Их читают уже в Москве.

– Скорее всего, так и обстоят дела. Но не исключаю, что эти материалы может просматривать руководство посольства, – заметил Востроухов.

– Я к этой категории не отношусь, – улыбнулся Веригин.

– Еще все впереди! – воскликнул молодой Торопов, видимо, надеясь на такую же участь для себя.

– Я смотрю, из пяти столов заняты четыре. А где же пятый журналист? – спросил Веригин заведующего отделением.

– Маргелов сегодня в вечернюю смену. Так что садись, Юрий, за его стол! – указал на свободное рабочее место Востроухов.

Веригин взял со стеллажа папку с сообщениями о японо-американских отношениях, а заодно прихватил и папку с надписью «Военные базы США». Сел за свободный стол.

Из телетайпной вышла Маргарита Мазун. Она работала в отделении информгентства телетайписткой. Но ее главная должность в советской колонии в Токио – жена атташе посольства Богдана Мазуна. Он был коллегой Веригина и входил в состав той же группы в резидентуре, в которой служил и Веригин.

Маргарита передала Востроухову корреспонденцию на считку и подошла к столу, где расположился Веригин. Это была рослая, крупного телосложения брюнетка за тридцать лет с волосами, уложенными в пучок. На лице выделялись огромная челюсть и массивные черные очки с толстыми линзами. Если ее нужно было бы коротко охарактеризовать, то подошли бы два слова: «черная женщина».

Маргарита обнажила в улыбке крупные зубы:

– Здравствуй, Юрий! Рада видеть тебя!

Веригин встал в знак почтения к собеседнице и в свою очередь сказал:

– О, Маргарита! Я не зря приехал в отделение агентства. Двойная удача – почитаю информационные материалы отделения и пообщаюсь с тобой. Ты прекрасно выглядишь!..

– Юрий, ты явно перегибаешь палку с комплиментом! – парировала Маргарита. Но чувствовалось, что ей пришло по душе похвала со стороны Веригина.

Любая женщина любит комплименты от чужого мужчины. Особенно та, которой не хватает ласковых, теплых слов от собственного мужа.

* * *

Веригин в обеденный перерыв официального рабочего дня въехал с Синдзюку-дори на парковку универсама «Исетан». Универсам располагался в противоположном от посольства районе Токио.

Парковка была не подземной, а многоуровневой. Чтобы попасть в основное здание универсама, нужно пересечь проулок, в котором хозяйничали парковщики «Исетана», указывающие через какой въезд нужно парковаться. Они были одеты в одинаковую форму темновишневого цвета и фуражки такой же расцветки.

Войдя в универсам, Юрий огляделся, высматривая лифты.

– Ирассяи масэ! Ирассяи масэ!³ – со светящимися улыбками приветствовали его две молоденькие служащие «Исетана», одетые в синие юбки и белые блузки. На головах у них непонятно каким образом держались маленькие круглые шляпки. А вот каблуки на туфлях были немалыми, чтобы компенсировать невысокий рост.

³ Добро пожаловать! Добро пожаловать! (перевод с япон. яз.)

Веригин повернул направо в сторону лифтовой зоны. Вошел в открывшийся лифт вслед за несколькими покупательницами.

Женщины назвали лифтерше нужные этажи. Девушка, одетая так же, как и встречавшие у входа посетители слушающие универмага, нажала кнопки на панели.

– Ёнкай, доодзо!⁴ – сказал лифтерше Веригин.

– Касику умаримасита!⁵ – приветливо отозвалась девушка, надавливая на кнопку с цифрой «4».

В японских крупных универмагах обычно первый этаж занимают отделы парфюмерии, косметики, ювелирных изделий и некоторые другие. Второй и третий этажи – владения дамской моды: одежды и белья, обуви. Четвертый этаж – мужская одежда и обувь. Пятый этаж ориентирован на товары для детей и подростков. Шестой этаж отдается под предметы домашнего обихода. Здесь же имеются небольшие отделы мебели. На седьмом этаже, как правило, устраивают распродажи различных товаров, прежде всего женской и мужской одежды.

Восьмой этаж – фуд-корт. Здесь можно перекусить незатейливой едой вроде рамэна – супа-лапши, приправленного соевым соусом и с небольшими порциями овощей и совсем крошечным кусочком свинины в большой миске. Или же рисом с овощами либо рыбкой в плоске среднего размера.

⁴ Четвертый этаж, пожалуйста! (перевод с япон. яз.)

⁵ Слушаюсь! (перевод с япон. яз.)

Но есть и ресторанчики с более изысканной трапезой. Там подают рыбу или мясо. Дополнительно полагается, к примеру, дайкон – особая небольшая репа, вымоченная в кисло-сладком соусе, после чего она приобретает желтый цвет, а также различные овощи, бобы.

Первый и второй подземные этажи – царство продовольствия на самые разные пристрастия и вкусы. Здесь и молочные продукты, и хлебобулочные и кондитерские изделия, и колбасы с сосисками, и консервированные продукты японского производства и из различных стран мира. Большие отделы, где продаются соки, газированная и негазированная вода, алкогольные напитки. Прежде всего пиво: японские марки «Кирин», «Асахи», «Саппоро» и другие. Много сортов импортного пива.

Из крепких напитков – виски из Шотландии, а также из США. Японский вариант представлен виски «Сантори». Встречается и водка, в основном «Смирнов». Изредка попадаются «Столичная» и «Московская».

Вина – сплошь из Европы: Франции, Италии, Испании. На Японских островах производство вин не распространено широко, наиболее примечательным является красное вино «Акадама». Оно – полусладкое и, конечно, не выдерживает конкуренции с западноевропейскими винами.

Во всех этих отделах – продовольственных и винных – господствует солидная, спокойная атмосфера. А вот в рыбной и мясной секциях – совсем другое дело! Здесь царит,

скорее, дух уличных рынков. Продавцы – исключительно мужчины – в белых штанах, куртках и пилотках. На ногах – белые резиновые сапоги, как бы подчеркивающие, что рыбу вот-вот вытащили из воды, из моря-океана, а мясную тушу только пару минут назад разделали.

– Подходите! Подходите! – громко зазывают продавцы, но все же не кричат благим матом – как-никак здесь не уличный базар, а универмаг!.. – Свежая рыба! Только-только из морских глубин!

– Мясо парное! Будет таять во рту! – вторят продавцам рыбы мясники. – Подходите! Не пожалеете! Мясо даст силу!

Потребление мяса не очень распространено на Японских островах. Все же острова, омываемые Тихим океаном и морями. Поэтому морепродукты занимают немалое место в рационе японцев. Еще больше они едят риса и овощей.

Видимо, незначительным потреблением мяса японцами объясняются во многом особенности их организма. У японцев, как правило, слабое зрение, каждый четвертый ходит в очках или линзах. Да и зубы не идеальные, услугами стоматологов пользуется большинство населения Японии.

Зато минимальное потребление продовольствия, содержащего холестерин, определяет и минимальное количество сердечно-сосудистых заболеваний в Японии. Вкупе с использованием в качестве пищи рыбы, креветок, а также морских водорослей, содержащих много йода, безобидных овощей и риса, все это ведет к долголетию японцев. Средний возраст

жителей Японских островов перевалил за восемьдесят лет, несмотря на весьма интенсивный ритм труда японцев.

Все в мире в определенной степени сбалансировано, одно компенсирует другое, подумал Веригин.

На четвертом, мужском, этаже Юрий походил среди вешалок с костюмами. Здесь были и строгие костюмы для работы, и экстравагантные пиджаки в стиле casual. Костюмы исключительно черного, темно-синего и серого цветов. Причем, как для осенне-зимнего сезона, так и для весенне-летнего. Разница только в толщине материала – летняя одежда из более тонкой ткани.

Висели и французские костюмы Durban. Веригин обратил на них внимание исключительно потому, что в голове навязчиво звучала телевизионная реклама этих костюмов на французском языке в исполнении знаменитого французского актера Алена Делона: *Durban se elegance de la modern!*⁶

Веригин приценился к сорочкам. На прилавках выставлены белые, голубые, розовые сорочки. Рубашки в полоску тонкую и толстую.

С обычным воротником и button down, с заколками.

Несмотря на подобное многообразие, большинство японцев – салариманы, как японцы искаженно произносят английское слово *salaryman* – служащий, наемный работник, носят темные костюмы и белые сорочки с темными галстуками, в крайнем случае голубые рубашки с галстуками.

⁶ Дурбан – это элегантность и модерн!

В светлых пиджаках и рубашках различных расцветок ходят в основном японцы творческих профессий. Дизайнеры, архитекторы, артисты, режиссеры, журналисты, музыканты. Но их не так уж и много.

Веригин долго выбирал галстук. Сначала приложил к горлу несколько дорогих галстуков самых модных фирм: Версаче, Ланвин, Гермес и других. А в итоге оставил выбор на скромном, недорогом галстуке. Не самом дешевом, но все же эконом-класса.

Продавщица – уже в другой униформе, не как лифтерша, а в синем сарафане поверх белой блузки – аккуратно завернула галстук в полупрозрачную бумагу, потом уложила галстук в специальную продолговатую коробочку, а ее поместила в фирменный пакет «Исетана».

– Спасибо большое за покупку! – с поклоном молвила продавщица. – Будем рады видеть вас вновь в универмаге «Исетан»!

Веригин спустился на минус первый этаж и стал обходить торговые ряды. У некоторых прилавков останавливался, пробовал образцы продовольственных товаров. Кусочки сыра, в которые были воткнуты маленькие пластмассовые вилочки, печенье с кубиками джема сверху.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды!..

Юрий поднялся на лифте на восьмой этаж на фуд-корт. Прошел в кафе с незамысловатым меню. Заказал себе яки-тори – шашлычок из курятины на деревянных палочках.

Официантка принесла прежде всего стакан холодной воды и влажную салфетку, свернутую в трубочку. Махровая салфетка – холодная, она была бы горячей, если бы заказ был обильнее.

Веригин не стал пить воду, а вот салфеткой воспользовался. Вытер лицо и руки и положил салфетку обратно на подносик. Быстро убрав использованную салфетку, официантка принесла якитори.

Юрий не спеша съел куриный шашлычок. Легкий перекус пришелся к месту. Впереди его ожидал тяжелый день.

На первый этаж Веригин спустился не на лифте, а на эскалаторе, переходя каждый раз на новую движущуюся лестницу на каждом этаже. Вроде бы никого не видно!.. Но если они вели его, то это были не один-два человека, а целая оперативная группа.

* * *

Выйдя на улицу, Веригин не пошел в гараж, а направился на Синдзюку-дори. Там остановился у кинотеатра, изучая сеансы.

Купил общий билет, а не VIP-класса, подразумевающего ряды в середине зала и кресла в белых чехлах. Фильм уже начался. Это был американский боевик.

Посмотрел фильм минут двадцать. Когда на экране показывали не самую яркую по освещению сцену, выскользнул

из зала и шмыгнул в туалет.

Веригин заперся в кабине и вынул галстук из коробочки. Снял свой галстук и засунул оба галстука внутрь под рубашку. Снял с себя брюки и вывернул их наизнанку. Они были двусторонними и на другой стороне серыми, а не черными. Снял пиджак и так же вывернул его наизнанку. С другой стороны он был синим. Потянув шнурок у нижней части пиджака, он стянул его на одну четверть, превратив в куртку. Вместо черного пиджака – синяя куртка. Но на этом манипуляции не закончились. Веригин вытащил из задних карманов брюк парик и очки. Парик с черными волосами, очки в черной оправе с белыми простыми стеклами. Из темного шапена превратился в брюнета с длинными волосами по сравнению с его короткой стрижкой. Засунул в рот каучуковую прокладку, наподобие капы, которой боксеры закрывают зубы перед боем. На свет появился почти идеальный японец в очках и с немного выпирающими зубами. Спустил воду в унитазе. Пока вода шумела, быстро разорвал сумку на как можно более мелкие куски. Бросил их в нутро унитаза и еще раз нажал на спуск.

Вышел из кабины и две части коробочки из-под галстука бросил по одной в разные урны.

Покинув туалет, выбрался из кинотеатра на улицу. Там уже заметно смеркалось, как-никак стояли осенние дни. Легкая темнота японской столицы приняла в свое лоно новоявленного «японца».

Веригин не выдвинулся к вокзалу Синдзюку. Там его могли встретить, если даже он оторвался от них в кинотеатре.

Юрий сел на автобус и проехал несколько остановок по городской автомагистрали. Пересек по пешеходному мосту Косюкайдо и пересел на другой автобус в сторону Сибуя. В этом районе располагался третий по значению транспортный центр японской столицы после Токийского вокзала и вокзала Синдзюку. В этих трех крупнейших пересадочных узлах сходились линии городской железной дороги и метро, причем по несколько линий каждого из этих видов транспорта. Ежедневно чрева каждого из этих транспортных монстров поглощали и извергали сотни тысяч пассажиров.

Доехав на метро до Синдзюку, Веригин пересел на линию городской железной дороги Яматэ-сэн и проехал несколько остановок. Он прибыл на станцию, где должна была состояться встреча с объектом, за полтора часа до нее.

Смешавшись с толпой пассажиров, Юрий перемещался по платформам, как головастик в пруду, – то в одну сторону, то в другую. Плавные перемещения чередовались с резкими рывками.

За десять минут до условленного времени Веригин вышел на платформу, где должна была состояться встреча с агентом. Тот опоздал на две минуты. Но не в этом была беда.

Веригин с ужасом заметил, что источник явился на встречу с куратором в служебной куртке с названием компании на спине. Там четко красовалась надпись YAMAZAKI. Если наружка все же срисовала Веригина, то она засечет и его подопечного. Даже если они потеряют его, то все равно по названию фирмы легко отыщут этого наивного человека.

Ну тут уже все равно не было выбора. Оставалось понадеяться на удачу.

Веригин вплотную приблизился к агенту и скороговоркой произнес несколько слов о месте и времени следующей встречи, тем самым обозначив себя, если тот не узнал его в новом обличе. Агент ловко сунул ему цилиндрическую коробочку из-под стандартной фотопленки, содержащую отнюдь не обычную микропленку с данными о новейших технологических достижениях его фирмы. Как ни странно, несмотря на промах с одеждой, что могло свидетельствовать о непрофессионализме агента, он передал посылку быстро и незаметно. Порой одни недостатки с лихвой покрываются другими достижениями. Так было и на сей раз.

Веригин юркнул в ближайший состав, и через несколько секунд двери поезда с легким шипением закрылись. Через пару остановок, на ближайшей пересадочной станции, где было много пассажиров, Юрий вышел из поезда и направился в туалет, в кабине быстро переоделся в прежний черный костюм. Парик на голове, очки на носу и прокладку на зубах он пока оставил. До лучших времен, до парковки у универ-

мага «Исетан».

Перешел на платформу, с которой можно проехать в противоположную сторону. Сел в подошедший поезд и доехал до вокзала Синдзюку.

Там смешался с толпой, кишашей как муравьи на муравейнике, несмотря на довольно поздний час. Зашел в туалет и вновь воспользовался кабинкой. Стащил с головы парик, снял очки, вынул изо рта прокладку для зубов и засунул все эти реквизиты в карманы пиджака. Использовал унитаз по назначению, справив малую нужду.

После всего этого Юрий вздохнул с облегчением – психологическим и физическим.

Домой в среднего уровня жилой дом в квартале Дайканьяма в периметре районов Сибуя и Аояма Веригин вернулся на своей машине ближе к полуночи. Здесь жили, помимо японцев, некоторые сотрудники советского посольства среднего звена, а также работники некоторых других советских учреждений в Токио. Соответственно, за этими жильцами был круглосуточный присмотр. Консьерж незамедлительно доложил по телефону в нужный отдел Токийской полиции о прибытии жильца по фамилии Бе-ри-гин. Что там подумали о позднем возвращении Веригина – не стало известно ни самому Веригину, ни пожилому консьержу, державшемуся за свое непыльное место, ни рядовым чинам полиции в форме, дежурившим в автомашине на въезде в обычный жилой дом, но с не совсем обычными обитателями.

Заместитель резидента вызвал Веригина и Мазуна в свой небольшой кабинет и, выдержав паузу для пущей важности, дал им новое задание.

– Будете дежурить вдвоем несколько недель у дома этого деятеля! – Октябрь Ильяч протянул Веригину фотографию пожилого солидного японца в черном пиджаке, белой сорочке и темном галстуке и листок бумаги с его домашним адресом. – Но не ежедневно, а то примелькается ваша машина.

– Цель наблюдения? – коротко спросил Веригин.

– Узнать, с кем он встречается помимо коллег по парламенту. С бизнесменами, любовницами, иностранцами? – ответил Реввоенсовет, как зама резака прозвали негласно в резидентуре за его революционное имя. – И фиксировать эти связи.

– За его контактами устанавливать наблюдение? – встрял в разговор Мазун.

– Нет, этого не требуется. Только сфотографируйте человека и номер машины, если он прибудет на автомобиле! И вообще, Мазун, твоя задача крутить баранку и держаться на значительном расстоянии от этого деятеля, но не потерять его. Ты справишься, не зря ты у нас ас-водитель, за что тебя и ценим в первую очередь. А мозгом операции будет Веригин.

– Понял!.. – нехотя протянул Мазун.

– Не «понял», а «так точно!» – гаркнул на него заместитель резидента. – Распустились тут у меня!

Октября Ильича – и в резидентуре, и в посольстве в целом – все знали как исполнительного, уравновешенного человека. Кричать было не в его манере. Но он старался тянуться за начальником, который отличался крутым нравом и даже определенной грубостью. Правда, за время службы в разведке резидент все же пообтесался по сравнению с периодом, когда был погранцом.

– В выходные дни продолжать наблюдение? – Веригин разрядил этим вопросом несколько накалившуюся атмосферу.

– Правильно мыслишь! – откликнулся Октябрь Ильич. Он тоже решил сбавить обороты, ни к чему портить отношения с подчиненными. – Обязательно и в выходные дни! В эти дни он может встречаться с кем-то в неформальной обстановке. К примеру, в ресторане, на соревнованиях по сумо.

– Так точно! – громко сказал Веригин, как бы исправляя оплошность напарника.

– Кстати, для нас с вами выходной – только воскресенье. Так что помните это! – еще раз продемонстрировал начальственные функции заместитель резидента. – Но за ним выдвигайтесь и по воскресеньям! Этот день может оказаться самым удачным на улов.

На другой же день Веригин и Мазун с раннего утра поехали на машине Богдана в советское торгпредство в райо-

не Синагава в западной части Токио. Покрутившись там для отвода глаз с полчаса, они двинули в адрес, переданный им замом резидента. Хвоста вроде бы не было.

Дом парламентария находился на небольшой улице перпендикулярно широкой магистрали Яматэ-дори на востоке мегаполиса. Здесь были расположены пяти-шестиэтажные здания офисного типа и двух-трехэтажные частные дома. Их объект проживал как раз в одном из этих частных домов – трехэтажном с небольшим палисадником. Они остановились на расстоянии двух домов от нужного дома.

Через час после того, как Веригин и Мазун прибыли на точку, к дому депутата парламента подъехала черная «тойота-президент» с зелеными служебными номерами. Парламентарий вышел из дома спустя десять минут, и его автомобиль направился к зданию парламента в центре города.

Серое громоздкое здание парламента немного напоминает по форме пирамиду, но более раздавленную по периметру и менее высокую. Территория парламента огорожена металлическим забором. Самое главное – ворота на въезд и выезд были одни. У шлагбаума дежурил полицейский в темно-синей форме. Он отдавал честь тому, кто въезжал и выезжал с подведомственной территории. Автоматический шлагбаум открывал и закрывал другой полицейский в будке. Ворота запирались только на ночь.

В двух десятках метров от ворот был припаркован серый полицейский автобус с металлическими сетками на всех ок-

нах, включая лобовое. Внутри дежурили офицеры отряда мобильной полиции.

У них особая экипировка: синие рубашки с кожаными толстыми налокотниками, синие же штаны с такими же наколенниками. Высокие ботинки с прокладками снаружи, закрывавшими боковые косточки. На головах – металлические шлемы с поднятыми вверх на период затишья плексиглазовыми забралами, закрывавшими все лицо, когда их опускали вниз. В оснащение входили пистолеты, дубинки и металлические щиты с прорезью для обзора.

Территорию парламента огибали несколько магистралей. Мазун припарковал белую «мазду» на проспекте, откуда хорошо видны ворота ограды этой территории. Но расстояние было довольно приличным, поэтому Веригин и Мазун по очереди наблюдали в бинокль за этими воротами. Через несколько часов они передислоцировались на соседний проспект, оттуда продолжали наблюдать за воротами.

– Сколько можно тут торчать?! – не выдержал Мазун. – Он находится тут на работе. Мы же не попадем к нему в кабинет или в зал пленарных заседаний!

– Нам это и не нужно, – парировал Веригин. – Наша задача проследить за его связями вовне парламента.

– Ну, если за половыми связями, то тут уж куда ни шло!.. – ухмыльнулся Мазун. – А так скукота страшная!

– Работа есть работа, – только и ответил Веригин.

– Вот именно – работа! От такой работы мухи сами дохнут

или их прихлопнут рано или поздно, – заметил Мазун.

– Мы сами выбрали эту стезю, – ответил Веригин.

– У меня не было выбора, а вот тебя, Веригин, я не понимаю!

– Что ты имеешь в виду, Богдан?

– Ведь я из глубокой провинции, а ты – москвич.

– Ну и что? – спросил Веригин. – В нашей стране у всех равные возможности.

– Конечно, равные, – криво усмехнулся Мазун. – Только надо для начала получить эти возможности, которые вроде бы предоставляются всем. А потом и реализовать их.

– И в чем же проблема? Сам же говоришь, что все равны в выборе и возможности его реализации, – сказал Веригин, стремясь убедить напарника в своей правоте.

– Начнем с тебя, – словно не слыша Веригина, продолжил свою мысль Мазун. – Ты родился и вырос в Москве, окончил Московский государственный институт международных отношений.

– Все так. Я москвич в третьем поколении.

– Во-во! Ты житель Москвы. А я – во всех поколениях сельский житель. Из села Овидное Ужгородской области. Я не говорю о том, что у нас там удобства во дворе и так далее. Школы послабее, денег в семье кот наплакал. Тут уж о репетиторах перед поступлением в вуз говорить не приходится.

– Я тоже не использовал репетиторов. Сам готовился с утра до ночи два года до институтских экзаменов. Иногда

голова так кружилась от переутомления, что чуть было не падал в обморок.

– Но все же поступил в такой престижный институт, как МГИМО, – заметил Мазун. – После этого вуза для тебя были открыты все дороги: в МИД, во Внешторг, в ТАСС или на худой конец в другое агентство – АПН. Это все – выездные организации. А ты пошел в разведку!

– Это был мой сознательный выбор! – нисколько не кривя душой заявил Веригин. – Я посчитал, что на этом поприще буду максимально полезен стране.

– В сельской школе я занимался на полную катушку, – с удовлетворением вспоминал Богдан. – И дома просиживал над учебниками допоздна. Учился только на отлично и хорошо. Особенно мне нравилась химия.

– Ты же закончил химико-технологический в Москве, если не ошибаюсь, – вспомнил Юрий.

– Не ошибаешься, не ошибаешься. Такие, как ты, почти никогда не ошибаются.

– Ну, ты слишком меня переоцениваешь! – для вида возмутился Веригин.

– Ты далеко пойдешь, если полиция не остановит! – Богдан процитировал поговорку «далеко пойдет, если милиция не остановит», лишь заменив «милицию» на «полицию», подразумевая, видимо, японскую.

– Твоими бы устами, да мед пить! – примирительно сказал Юрий.

– А если вернуться к моему случаю, к моей судьбе, то тут другой расклад, – со значением произнес Мазун. – Меня ждал другой путь.

– И в чем же он выражался? Мы оба закончили вузы, оба в итоге оказались в конторе.

– Сначала мне нужно было осесть в Москве, – продолжил Мазун. – Пришлось жениться по молодости на москвичке, чтобы получить московскую прописку.

– Ты что, Богдан, разве не любишь Маргариту?! Женился на ней ради прописки?

– Да нет, я люблю ее, но прописка тоже имела значение. И в общаге надоело кантоваться. К тому же она из семьи управляющего строительным трестом, тогда это для меня казалось верхом достижения.

– Чьего достижения? Ее семьи или твоего достижения?

– И ее, и соответственно моего, – пояснил Мазун. – Но теперь, если посмотреть с высоты, так сказать, прошлых лет и нашего с тобой рода деятельности, управляющий трестом – это так, ничего особенного. Для серьезной карьеры проку от него мало.

– Но ты же сам пошел в КГБ! Сам выбрал этот путь! – воскликнул Веригин.

– Пошел сам. Это точно, – отозвался Мазун. – Я был комсомольским активистом, имелось на выбор два варианта: в милицию или в комитет. Я выбрал по комсомольской разрядке второй более перспективный вариант.

– А твоя профессия химика? – с некоторым удивлением спросил Веригин.

– Что химик? В лучшем случае пахал бы младшим научным сотрудником в НИИ или же инженером на заводе. Зарплата и там, и там, сам знаешь, какая!..

– Молодой специалист везде сначала получает немного, но у него все впереди.

– Впереди, сзади... Это еще бабушка надвое сказала. А в КГБ я сразу получил жалованье в полтора раза больше, чем на гражданке. Правда, если до конца быть откровенным, – подался лицом к Веригину Мазун, – ты сам знаешь, что у нас здесь, конечно, хорошие деньги, но все же не такие солидные, как, например, у наших американских коллег.

– А ты откуда знаешь? – опешил Веригин. – Они тоже служащие государственного учреждения, а не владельцы фирм или банков.

– Не волнуйся, друг, я ничего толком не знаю о размере их заработка, – спокойно сказал Мазун. – Но догадываюсь, что у них он значительно больше, чем у нас. Во всех сферах у них показатели выше. Вот и все.

– Для меня деньги, безусловно, имеют определенное значение, – ответил соседу по автомобилю Веригин. – Но главное все же – долг перед Родиной. Я, как это ни звучит вычурно, патриот своей страны и готов ради нее на все!

– Я тоже готов служить, не щадя живота своего, – сказал Мазун. – Ты не бери в голову, что я тебе наговорил тут. Нер-

вы, сам понимаешь...

– Хочу закончить свою мысль, – пояснил Веригин. – Я рассматриваю нашу с тобой работу как крошечный вклад в пользу нашей страны в противостоянии с потенциальным противником. Помню, как наш профессор в институте, – а преподавание у него было вторым амплуа, основная функция – заместитель министра иностранных дел, – говорил нам на семинаре, что в любом месте на планете, в любой международной ситуации сходятся интересы и противоречия двух мировых держав – Советского Союза и США. И здесь, в Токио, я тоже отстаиваю интересы нашей страны, хотя я всего лишь молекула в нашем общем организме.

Разговор Веригина и Мазуна, который по такой открытости случается не каждый день, а может быть, раз в жизни, прервал выезд с территории парламента автомобиля с нужными им номерами. Они последовали за машиной парламентария до его дома, где простояли до позднего вечера. Депутат так больше и не поехал никуда. Слежка не дала никаких результатов на этот раз. Но не всегда, а вернее, редко удается снять сливки. Постоянный рацион – молоко, а что-то другое, с большим процентом жирности, попадает не так уж часто.

* * *

Веригин вечером вышел из жилого дома «Дайканьяма апартментс» в Дайканьяме и направился в ближайший круп-

ный супермаркет за продуктами. В руке у него был бумажный пакет с ручками с фирменной надписью «Исетан» с чем-то мягким внутри.

В супермаркете Юрий положил свой пакет с вещами в ячейку под номером 47, закрыл ее и сунул ключ в карман брюк. Рабочий день закончился, и он был одет помимо некажистых брюк и тенниски в легкую куртку темного цвета.

Тележку не стал брать, а ограничился металлической корзиной для покупок. Их список он проверил по бумажке. Не так много на сей раз!..

Продуктов предстояло купить всего несколько наименований, но Веригин тщательно рассматривал необходимые товары на разных полках. Кофе в стеклянных банках, рис в килограммовых пакетах, почищенную и готовую к использованию морковь в небольших поддонах, накрытых прозрачной пленкой... Потом Веригин взял из ячейки свою сумку, зашел в туалет и занял кабинку.

...Было около 22.00, темнота уже полностью захватила осенний Токио. Автомобилей и прохожих на проспектах и улицах японской столицы – пруд пруди. Такое столпотворение будет еще несколько часов, только под утро поток автомашин почти иссякнет, хотя совсем без машин центральные районы города не остаются никогда.

На проспекте Аояма-дори автомобили, как обычно, неслись плотными стадами. Тротуары заполнены токийцами, спешившими в увеселительные заведения, и теми, кто воз-

вращался домой, припозднившись на работе.

А вот около кладбища Аояма-боти, расположенного хотя и в этом центральном районе Аояма, но все же несколько в стороне от главных улиц, было немногочисленно. Одна из оказавшихся здесь довольно редких прохожих – молодая высокая женщина в юбке, блузке и жилете, в туфлях на низких каблуках. Распущенные волосы почти доходили до плеч. В руке – бумажный пакет, на котором под уличным электрическим фонарем можно различить надпись «Исетан».

Женщина свернула в ворота Аояма-боти и засемила по центральной аллее вглубь кладбища. На одной из отдаленных аллей одиноко притулился автомобиль среднего размера. Женщина юркнула в эту машину.

Кладбище Аояма-боти нередко служит пристанищем для любовников, прибывающих туда в ночное время на автомашинах. Парочки устраиваются на заднем сиденье и предаются любовным утехам. Зачем тратить деньги на love hotel, когда можно заняться любовью в автомобиле, хоть и на кладбище!.. Духи простят.

И эта женщина, видно, прибыла на свидание с возлюбленным. Что они делали внутри машины – ведомо только им двоим...

Даже если кто-то наблюдал в бинокль ночного видения за тем, что творится в салоне автомобиля, мог видеть лишь парочку, лежавшую на заднем сиденье. Женщина внизу, мужчина – сверху на ней, но оба – неподвижны. Если бы бинокль

был особой мощности, то можно было бы разглядеть надпись на форменной куртке мужчины с названием компании «Yamazaki».

Но и в бинокль никто не смог бы узреть, как женщина приняла от мужчины микропленку. В свою очередь, она положила на коврик у водительского сиденья плотный конверт.

Женщина вскоре покинула автомобиль «возлюбленного» и направилась на выход с кладбища. Потом она вышла на Аояма-дори, дождалась автобуса и доехала до станции Сибуя. На вокзале городской железной дороги она вошла в туалет.

Через три минуты из женского туалета быстро вышел мужчина в брюках, тенниске и легкой куртке темного цвета. В руках у него был фирменный пакет с надписью «Исетан».

* * *

Веригин и Мазун продолжали наблюдение за парламентарием.

В один из вечеров рабочей недели он не поехал сразу домой, а отправился в квартал Акасака. Там его депутатская машина свернула в переулок, где находился дорогой ресторан с гейшами. Они не проститутки, буквальный перевод «гейша» – человек искусства. В их задачу входит развлекать гостя разговорами на различные темы, в том числе о культуре и искусстве, станцевать национальный танец. Ну, а уж отправится ли она потом с клиентом в другое место для ока-

зания ему интимных услуг – это уже ее личное дело!

К ресторану подъехал еще один представительский автомобиль. Из него вышел довольно высокий для японца господин. Веригин сфотографировал фотоаппаратом с оптическим объективом этого гостя и номер его машины.

Внутри ресторана Веригин и Мазун, конечно же, не вошли, а дожидались объектов снаружи. Через пару часов парламентарий и его партнер по ужину вышли из ресторана. Их лица были раскрасневшимися и лоснящимися от легкого пота. Японцу обычно достаточно выпить две-три бутылки пива или несколько порций виски на дне стакана, и они уже здорово навеселе. Вместе с ними из ресторана к машинам засеменили две японки в кимоно. Парочки уселись каждая в свою машину. Веригин успел снять этих женщин, в том числе лица, крупным планом, настроив оптику.

Автомобили депутата и его сотоварища поехали в обратном направлении, но не к парламенту, а к отелю «Окура». Этот дорогой отель круглой формы располагается на возвышенности в центре города. Парламентарий и его наперсник в сопровождении женщин вошли в фешенебельный отель. Они снимут номера на несколько часов. Возможно, депутат арендовал там номер на весь год. Для деловых конфиденциальных переговоров и встреч иного характера, как в этот день.

Через полтора часа парламентарий и его партнер по сегодняшнему вечеру вышли из отеля и пошли к своим автомо-

биям. Остановившись перед машинами, они поклонились друг другу в знак прощания и уселись в авто. Поклоны не были очень низкими, наклон примерно на один и тот же градус, что свидетельствовало о равном статусе обменивавшихся поклонами господ. Если бы один из них был ниже другого по своему социальному положению, то поклон был бы ниже.

Веригин и Мазун сопровождали депутата на некотором отдалении до дома. Когда он высадился около своего жилища, было уже за полночь.

В ближайшее воскресенье Юрий и Богдан довели депутата от его дома до загородного гольф-клуба. В этом элитном клубе проводили драгоценное свободное время политики, крупные предприниматели, звезды шоу-бизнеса. Нередко бизнесмены приглашали за свой счет политиков поиграть в гольф и затем отобедать в ресторане.

Связи политиков и высокопоставленных чиновников с лидерами делового мира носили не только глубинный характер. Они были устремлены потенциально и в будущее. После отставки высокопоставленные лица переходили на работу членами совета директоров или даже вице-президентами в те корпорации, которым они оказывали покровительство в период государственной службы. Таких людей именуют в Японии «амакудари» – буквально «спустившиеся с небес».

На сей раз депутат встретился с другим солидным мужчиной, не с тем, с кем ужинал в ресторане и затем побывал с женщинами в отеле «Окура». Кто был этот господин – Веригин

гин и Мазун не знали. Но это и не входило в их задание. Им нужно было лишь сфотографировать очередного партнера парламентария и номер его автомашины. Остальное – за резидентурой. То ли это были деловые партнеры «слуги народа», то ли просто друзья? Возможно, кредиторы или же подручные по выполнению какой-то не афишируемой миссии?

На следующей неделе депутат вновь побывал вечером в ресторане в переулке в квартале Акасака, а затем вместе с той же самой гейшей в кимоно, что и несколькими днями ранее, отправился в отель «Окура». Там он пробыл несколько часов. Видимо, его связывали в этой женщиной не только секс, но и какие-то доверительные отношения. Он мог побеседовать с ней на различные интересующие его темы, излить ей душу.

На другой день Веригин и Мазун представили заместителю резидента отчет по результатам наблюдения за парламентарием. Они выложили снимки, сделанные в ходе операции.

– Продолжить наблюдение для выявления его других контактов? – спросил Веригин Октября Ильича.

– Не спишите, Веригин! – одернул его зам резака. – Сначала нужно изучить уже полученные данные.

– Так мы нарыли что-то полезное? – встрял в разговор Мазун.

– Ты не лезь поперек батьки! – осадил Богдана старый служака, не хватавший звезд с неба, но все же дослужившийся

до заместителя резидента в одной из ведущих стран мира. – Если понадобится, мы сообщим вам о дальнейших действиях по данному объекту.

– Все понятно, товарищ полковник! – отчеканил Веригин.

– Благодарю за службу! – подвел итог операции заместитель резидента.

– Служу Советскому Союзу! – одновременно громко проговорили оба офицера, вскочив со своих мест и вытянув руки по швам.

– Свободны! Идите к себе! Скоро будет новое задание, – завершил разговор с подчиненными зам резака.

* * *

Новое задание на заставило себя ждать.

Вместе с несколькими другими оперативниками Веригин и Мазун должны были обеспечить безопасность выхода их товарища по резидентуре на его контакта. На встречу предстояло выйти оперативнику, работавшему под прикрытием корреспондента информационного агентства в Токио. Ведь журналисту сподручнее связываться с местными политиками или бизнесменами для беседы по сравнению с дипломатом. На то он и журналист, чтобы искать встречи с интересующими его людьми в стране пребывания. А дипломат – это уже другой разговор. Работник посольства обязан через МИД запросить встречу с тем или иным деятелем.

Но тут просматривалась и вторая сторона медали. А вернее – таилась подлинная опасность. Если кадровому разведчику, работающему в буквальном смысле под крышей посольства, при неудачном исходе операции грозила высылка из страны, то оперативника, не имеющего дипломатического иммунитета, в случае провала ждали куда более серьезные, даже трагические, испытания. Ему маячил арест.

Арест мог завершиться тюремным заключением. Но даже если бы удалось избежать тюрьмы за счет авторитета и мощи государства, гражданином которого является арестованный, то все равно пришлось бы в срочном порядке вернуться на родину. Там ждала бы работа в каком-нибудь аналитическом подразделении или даже в учебном заведении. На оперативную работу если и был шанс вернуться, то очень нескоро. Естественно, в другую страну, а то и на другой континент. Провал оперативника означал не только рубец на сердце, но и прореху в карьере. Однако тут уже ничего нельзя было поделать...

Корреспондент информагентства редко бывал в советском посольстве. В резидентуре он еще реже появлялся. Видимо, он был тем разведчиком, которому доверена особо важная миссия.

Такой разведчик мог проработать в стране пребывания три-четыре года, прикидываясь «чистым». Он не выполнял никаких заданий помимо своей официальной работы. Не участвовал даже в совещаниях в резидентуре и не общался

с настоящими коллегами в свободное время.

Между тем, за весь период длительной командировки он мог провести одну операцию, максимум две. По завершении командировки возвращался на родину по-прежнему неза-свеченным.

Но эта операция была настолько важной, что покрывала все издержки пребывания «спящим» разведчиком длительный период. Отдача от успешного выполнения одного единственного задания была гораздо больше, чем от десятка мелких текущих дел.

Ни Веригин, ни Мазун не знали, в чем цель конспиративной встречи корреспондента с японским визави. Они не ведали, что «их депутат» и этот контакт – одно и то же лицо. Он являлся видным деятелем правящей партии и был способен оказать определенное влияние на принятие партией решений по некоторым вопросам, в том числе затрагивающим отношения Японии как с США, так и с Советским Союзом.

Это могла быть встреча для осуществления вербовки на основе чрезвычайно выгодного предложения или очень действенного шантажа. Нельзя было исключать и какой-то идеологический мотив, например, пацифистские идеи, охватившие этого человека еще со студенческих времен.

Еще один вариант, не подразумевающий вербовку как таковую. Намечалось установить связи с данным деятелем на долгосрочной основе, с тем чтобы передавать ему в ненавязчивой форме сведения, которые не были известны ему,

но могли пригодиться. Он мог бы использовать их в своей политической деятельности в личных интересах и в интересах своей страны, но порой эти интересы могли пересекаться с интересами государства, представляемого его собеседником, или же, по крайней мере, нейтрализовать отрицательные положения, нацеленные против страны данного иностранца. Этот контакт, в свою очередь, может передавать кое-какие сведения, причем не обязательно секретные. Высказать свое мнение, дать совет, как действовать в той или иной ситуации. Действовать не человеку, а государству или государственному ведомству, к примеру, министерству иностранных дел.

Такие люди называются агентами влияния. Они оказывают некоторое влияние на политический курс и экономическую политику в определенном направлении. При этом они не являются открытыми проводниками политики иностранного государства, но тем не менее в ряде конкретных случаев невольно содействуют осуществлению этой политики.

Предстоящая встреча с парламентарием имела архиважное значение для развития отношений с этим ценнейшим кадром – потенциальным агентом влияния. Провал означал бы крах многоходовой операции, длившейся несколько месяцев, даже лет.

В группу прикрытия помимо Веригина и Мазуна входили еще четыре оперативника. Вернее, три оперативника и женщина-разведчица. Официально она числилась сотрудницей

представительства авиакомпании. Поскольку она не находилась в штате посольства, ее служебная автомашина не обладала голубыми дипломатическими номерами, а имела обыкновенные белые номера. К тому же женщина все же вызывает меньше подозрений, чем мужчина. Особенно в квартале Гиндза, где много дорогих универмагов и магазинов, столь близких женским сердцам и кошелькам.

* * *

Татьяне Лоськовой было уже за тридцать. Не замужем, детей нет. Миловидное лицо, хорошая фигура. Красота внешнего облика маскировала жесткий характер, твердость и неуступчивость при принятии и исполнении решений, в том числе относительно ею же самой поставленных перед собой целей и задач. В то же время коммуникабельная, располагающая к себе. Эти качества очень важны для отношений с другими людьми.

Выше среднего роста, длинные русые волосы. А глаза – серо-голубые, прозрачные. Такое сочетание – поразительное и сводящее с ума мужчин. Но на Японских островах, при ее профессии, лучше было бы, если волосы были темными, чтобы светловолосая женщина не бросалась сразу же в глаза другим людям. Но всего природа и КГБ не могли предусмотреть!.. Спасибо и на том, что Лоськова при своей восхитительной внешности обладала еще и цепким умом и твердой

волей.

Татьяна Лоськова училась на юридическом факультете МГУ имени Ломоносова, но не в главном высотном здании университета на Ленинских горах и даже не на Моховой, где размещались экономический, филологический факультеты, факультет журналистики, Институт стран Азии и Африки при МГУ. Юрфак находился в старинном здании на улице Герцена рядом с консерваторией.

После занятий основным местом, куда направлялись студенты юридического, была все же не консерватория, а местная пирожковая. Там можно было перекусить горячих пирожков и пончиков в масле (кто же по молодости задумывается о полезности или вреде продуктов питания в прожаренном масле!) и поболтать, наговориться вдоволь.

В университетские годы у Татьяны случился роман со студентом на два курса старше. Вначале они встречались после занятий на Тверском бульваре, где гуляли по бульвару до улицы Горького и обратно до Никитских ворот. Взявшись за руки, они не спеша двигались по засыпанным осенними листьями аллеям бульвара, обсуждая факультетские дела, на шумевшие фильмы и спектакли.

Зимой, когда выпал снег и, самое главное, наступили холода, прогуливаться по промерзшему бульвару стало не очень-то приятно, а вернее – очень холодно. Тем более молодежь тогда, в конце 1960-х годов, одевалась уже не так, как старшее поколение: в зимних пальто на ватной подкладке с

каракулевым воротником и ушанках из кролика (из ондатры могли позволить себе только избранные) и меховых шубах и шапках. Демисезонные пальто и куртки вошли в моду у юношей и девушек. Причем парни старались показать себя какими-то особенными за счет того, что даже в мороз не носили головные уборы.

Валера предложил коротать вечера (в кафе и театры не очень-то находишься на стипендию) в квартире его друга, когда жилплощадь была свободна от постоянных жильцов. Они болтали, смотрели телевизор. Потом стали обниматься и целоваться. Дело молодое, кровь горячая, и все закончилось в итоге тем, чем и должно было закончиться.

Все прошло бурно, но как-то скомканно. Ведь Валера был первым мужчиной у Тани. Потом они освоились, постепенно вошли во вкус и стали искусными любовниками. Была ли она первой у Валеры – Таня не спрашивала. Да это и не имело особого значения. Самое главное – Валерий обещал жениться на ней, как только закончит университет и устроится на работу.

Через полтора года Валерий получил университетский диплом, а Татьяне оставалось учиться еще два курса. Вопрос о женитьбе упирался в то, где им жить после свадьбы. Валера был иногородним, из Рязани, и жил во время учебы в общежитии на Ленгорах. Таня проживала с родителями в двухкомнатной квартире в блочной девятиэтажке в Измайлово.

В принципе, они могли поселиться у нее после женить-

бы. Но Валерий не захотел быть примачом. Он поступил на службу в милицию, где ему выделили место в общежитии.

– Сыграем свадьбу, как только мне дадут комнату в коммуналке! – уверял Валера суженую.

– Хорошо! Я согласна ждать тебя сколько угодно, – заверила Таня жениха. – Ты прав, молодой семье лучше начинать жить отдельно.

– Вот увидишь, через год или максимум два я получу комнату! – горячо заверил Татьяну Валерий. – Квартиру мне, конечно, сразу не дадут, а комнату уже обещало начальство районного управления.

Влюбленные продолжали встречаться на квартирах друзей Валерия и родственников Татьяны. Квартиры оказывались свободными не так уж часто. Их встречи становились все реже и реже. Да и любовные страсти поутихли. Горячий огонь первых свиданий уже прошел, а глубокая сексуальная привязанность, сопутствующая стабильным семейным отношениям, так и не наступила.

Как-то в телефонном разговоре с университетской подругой Таня услышала новость, что Валерий собирается жениться.

– Какая же это новость?! – удивилась Таня. – Мы поженимся, как только Валерка получит комнату. Ему обещали на работе.

– Обещанного три года ждут! – отрезала Галя. – В том числе и о свадьбе. Обещать не значит жениться.

– Брось придирааться! Валера слово держит, – урезонила подружку Таня. – Мы с ним обо всем договорились.

– Смотри, подруга, не проскочи мимо двери в светлое будущее! – сказала с нажимом Галя. – Валера – непростой чувак. С ним нужно держать ухо востро!

– Не преувеличивай, Галка! – отбивалась Таня. – У нас с Валерой все в порядке.

– Тогда слушай, что я тебе скажу! Не хотела говорить, но раз ты ничего не хочешь воспринимать, говорю тебе открытым текстом, что мне передали однокурсники Валерия.

– И что же они тебе поведали? – с иронией спросила Таня.

– То и поведали, что Валерий собирается жениться на дочери своего начальника! – выпалила Галина.

– Этого не может быть! – воскликнула Татьяна. Но в глубине души у нее что-то защемило. А вдруг так оно и есть?

И в самом деле Валерий вскоре женился на дочери начальника районного управления внутренних дел и перебрался жить в трехкомнатную квартиру своего тестя.

Валерию не пришлось переводиться на службу в другое подразделение, поскольку его тестя перевели на повышение в городское управление. А Валерий получил должность старшего оперативного уполномоченного, хотя прослужил в органах без году неделя.

Хорошо, что Валерий уже закончил учебу и Татьяне не пришлось больше сталкиваться с ним в университете. Это было бы невыносимо.

После окончания юрфака ее как отличницу, окончившую МГУ с красным дипломом, распределили в один из академических институтов. Сыграло свою роль и то, что профессор Брюханенко, который преподавал на юрфаке на полставки, являлся одновременно заведующим отделом в институте. Он заметил Лоськову на семинарах, где она отличалась не только знанием предмета, но и оригинальностью мышления.

В институте Татьяна выбрала тему диссертации и потихоньку набирала для нее материалы. Но все было не так-то просто. Оказалось, что нужно было выполнять текущую работу и, кроме того, ищачить на заведующего отделом, который готовил очередную монографию. Брюханенко хорошо относился к Лоськовой, но это не исключало его требовательности в отношении выполнения заданий в рамках его личной научной карьеры. А Лоськова еще успеет защитить диссертацию, ведь она так молода!..

* * *

В первый отпуск Татьяна Лоськова полетела в Сочи, где сняла комнатку в частном доме на окраине. На городском пляже она познакомилась со студентом Томского политеха, с которым и стала проводить время на море и не только.

Они встречались в ее комнате в дневное время, когда другие курортники, квартировавшие в этом же доме, загора-

ли на пляже и купались в море, а хозяйка готовила еду на свое многочисленное семейство в летней пристройке. Жаркие объятия, страстные поцелуи имели логическое продолжение. Кровать была узкой, односпальной, два человека не умещались на ней рядышком, но им хватало места.

Студент-сибиряк напоминал Лоськовой ее студенческую молодость. Встречами с ним Татьяна старалась вытеснить из памяти время, проведенное с Валерием. И тот – студент, и этот – студент, так что новый партнер должен был заменить воспоминания о первой любви.

После летних каникул студент прилетел в Москву осенью, а потом и в зимние каникулы. Они встречались с Татьяной на квартирах ее подруг. Больше студент в столицу не выбирался. И Татьяна перестала связываться с ним из телефонного узла Центрального телеграфа на улице Горького.

В следующий отпуск Лоськова вновь отправилась в Сочи к той же самой хозяйке частного дома. На этот раз она выделила Татьяне комнату получше: больше размером и с двумя окнами. Но эта комната не понадобилась квартирантке для любовных свиданий.

В приморском кафе Татьяна обратила внимание, что на нее посматривает симпатичный мужчина лет сорока. Когда она вышла из кафе, где съела мороженое и выпила пепси-колу, мужчина последовал за ней. На нем были светлые брюки и голубая тенниска. Тенниска шла ему, темноволосому. А на светловолосой Татьяне ладно сидели синие джинсы и

красная кофточка.

Несколько минут мужчина шел за ней, а потом догнал, предварительно сняв часы и засунув их в карман брюк.

– Извините, сколько сейчас времени? – спросил мужчина соблазнительную прохожую.

– Четыре часа двадцать минут! – ответила Лоськова.

– Спасибо большое, а то я забыл свои часы в номере.

– А как пройти в библиотеку вас не интересует? – весело спросила Татьяна.

Тут они как по команде расхохотались. Между ними сразу же пролегла дуга доверия и интереса.

– Игорь Владимирович! – представился новоявленный знакомый. – Я отдыхаю здесь в санатории.

– Татьяна! – коротко ответила Лоськова. – Снимаю комнату в частном секторе.

– Частный так частный. Главное – ценные кадры там проживают, – заметил Игорь Владимирович.

– А вы собираетесь закадрить эти кадры? – лукаво улыбнулась Татьяна. – Не боитесь смешаться с массами?

Что-что, а на язык Лоськова была остра. Дуракам это не нравилось, а вот умные люди оценивали по достоинству.

Игорь Владимирович, видимо, принадлежал ко второй категории, поскольку молниеносно откликнулся:

– Все зависит от представительниц этих масс. Я-то ничего не боюсь.

– Мне тоже бояться нечего! – ответила Лоськова, тем са-

мым дав зеленый свет установлению отношений между ними.

Они оба уже поняли, что эти отношения будут налажены. Не ясно было только, как далеко они зайдут, в том смысле, насколько они будут глубокими и длительными.

Игорь Владимирович отдыхал в санатории Совета министров. Отпуск у него, как и у Татьяны, к счастью, только начался.

Игорю Владимировичу было сорок пять лет, но выглядел он моложе. Медико-санаторное обслуживание соответствующего уровня, персональная машина по службе способствовали сохранению здоровья и бодрого, подтянутого вида, несмотря на напряженный ритм работы.

Они не стали проводить днем время на санаторном пляже. Зачем лишний раз привлекать внимание! А вот к себе в комнату Игорь Владимирович все же приводил Татьяну по вечерам. Такого секса ни он, ни она еще не испытывали в жизни. Они, словно, были созданы друг для друга, во всяком случае в постели.

Курортный роман пролетел подобно летнему урагану со скоростью авиалайнера, несущегося вперед перед взлетом.

Но на этом отношения между Татьяной и Игорем Владимировичем не завершились. В Москве он снял однокомнатную квартиру в старом, с облупленным фасадом, доме, но в центре, поближе к его работе. Они встречались там несколько раз в месяц. По вечерам в будние дни и в два-три часа по-

полудни по субботам. В субботу Игорь Владимирович приезжал на работу, где находился с десяти часов до четырнадцати. Ответственные работники трудились и по субботам, правда, неполный рабочий день. Так что для Игоря Владимировича оказалось весьма удачным, что он должен был по субботам уезжать из дома. Не знаешь, где найдешь, а где потеряешь...

Летом Игорь Владимирович и Татьяна отправились вместе в Сочи. Летели одним рейсом, но на разных рядах в самолете.

Игорь Владимирович прибыл в тот же самый санаторий, а Татьяна поселилась в гостинице, номер в которой он заказал для нее.

Гостиница называлась «Жемчужина». Это был самый современный и шикарный отель в знаменитом курортном городе. «Жемчужина» располагалась у берега моря и имела свой пляж.

Весь день Игорь и Татьяна проводили на пляже. В этом году не на городском пляже, а на элитном гостиничном пляже, куда посторонним вход заказан. В отель можно пройти тоже только по пропускам. У Татьяны имелся гостиничный пропуск, а у Игоря Владимировича пропуск охранники не спрашивали: их наметанный глаз сразу оценивал этого солидного мужчину со стальным взглядом. Но и на старуху бывает проруха. Однажды вечером молодой охранник неожиданно спросил у Игоря Владимировича гостиничный пропуск.

– Он со мной! – попыталась решить возникшую проблему Татьяна. – Вот же мой пропуск!

– У вас есть пропуск, вы и проходите! А у мужчины должен быть свой пропуск! – не унимался белобрысый юный страж.

Он недавно демобилизовался из армии и по большому благу через знакомых отца устроился на эту клевою работу в самой лучшей гостинице родного города.

– Татьяна, не возникай! – властно проговорил Игорь Владимирович.

Второй охранник, постарше и, самое главное, поопытнее, тут же понял, что они попали впросак. Не только по внешнему облику, но и по тону голоса гостя он понял, с кем имеет дело. Тем более он заприметил эту пару раньше, они уже не раз здесь бывали. А напарник-балбес по дури наломал дров.

– Проходите, пожалуйста! Извините, что посмели отвлечь вас своими глупыми вопросами! – поспешно произнес старший охранник. Его младший партнер выпучил глаза, не понимая, что происходит.

Игорь Владимирович не проронил в ответ ни слова. Он решил сыграть свою партию до конца, раз уж его вынудили пойти на это. Молча, так и не удосужившись сказать охранникам ни слова, Игорь Владимирович расстегнул замок барсетки и достал из нее служебное удостоверение в кожаном тисненном переплете темно-красного цвета. Он раскрыл удостоверение и показал его старшему охраннику.

Увидев напечатанное внутри удостоверения, старший охранник окончательно сник. Такие люди, как этот гость отеля, могут только за непонравившийся взгляд, который на них бросили, стереть в порошок человека, а тут этот придурок преградил гостю дорогу, потребовав пропуск!

– Еще раз прошу прощения! Виновный будет наказан! – прокричал старший охранник.

Он-то все же представлял более или менее, как построена система. Каждый сверчок должен знать свой шесток. И не высовываться.

Игорь Владимирович и Татьяна прошли в ресторан отеля. Заказали себе на ужин черную икру, осетрину, овощной салат, форель с рисом и соусом ткемали. На десерт – фрукты и кофе. Игорь пил коньяк, а Татьяна – белое сухое вино. Вокально-инструментальный ансамбль исполнял популярные мелодии, солистка пела песни, которые обычно звучали в концертах по Центральному телевидению. Потом ВИА заиграл танцевальные мелодии. Пары вышли на танцпол.

Игорь с Таней тоже станцевали медленный танец, близко прижимаясь друг к другу. Моральное и телесное единение у этой парочки явно присутствовало.

Но больше всего Игорю Владимировичу и Татьяне нравилась кухня в летнем кафе на самом берегу моря. Меню состояло всего из нескольких названий, да оно и не нужно было по большому счету. Цыплята-табака и шампанское – вот главное достоинство этого заведения.

Цыплят жарил молодой высоченный парень с очень красивым лицом. На щеках – здоровый румянец, подчеркивающий не только прекрасную внешность парня, но и его благодушный характер. Он не только готовил блюда, но и сам подносил его клиентам.

Этот повар-официант имел внешность голливудского киногероя. Его красота и обходительность по сути являлись добавкой к тому прекрасному блюду, которое он преподносил гостям заведения.

Цыплята-табака поливались чесночным соусом, а обильная зелень смягчала вкус чеснока и оттеняла таявшее во рту куриное мясо. Пузырящееся шампанское в бокалах на фоне моря служило как бы переходом от морской волны к земной трапезе.

А еще – легкий ветерок с моря, пальмы, неяркое предвечернее солнце за ними. И самое главное – умиротворение, которое давали изысканная еда и неторопливая беседа за столом.

* * *

На Новый год Игорь Владимирович отправил жену и дочь-школьницу в туристическую поездку в ГДР. Они должны были провести новогодние праздники в Берлине и затем совершить поездку по Восточной Германии в период школьных каникул дочери.

Поэтому новогоднюю ночь и 1 января Игорь Владимирович подарил Татьяне. Новый год они встретили в ресторане на проспекте Калинина, который москвичи прозвали Новым Арбатом, где Игорь Владимирович заказал столик на четверых. Их партнерами по встрече Нового года стала семейная пара – бывшие однокурсники Игоря Владимировича по Московскому авиационному институту. В годы учебы в МАИ на Соколе они крепко дружили и сохранили эту бескорыстную дружбу и в последующие годы. Игорь полностью доверял им и не опасался, что они заложат его. К тому же он чувствовал: они недолюбливали его жену, хотя и не подавали вида.

Игорь Владимирович и Татьяна продолжали регулярно встречаться вплоть до весны. С наступлением тепла, в преддверии лета, они стали обсуждать, как и где лучше провести летний отпуск.

И тут Татьяна совершила ошибку. Причем, как оказалось, непоправимую ошибку. Она завела разговор, который не следовало начинать. По крайней мере до лучших для нее времен.

– Игорь, меня, на первый взгляд, устраивают отношения с тобой, – забросила удочку Таня, лежа вместе с ним в постели на съемной квартире после как всегда бурного секса.

– Меня тоже все устраивает, – насторожился Игорь Владимирович. Он уже почувствовал, что может последовать неприятное продолжение разговора.

Так оно и вышло. Татьяна повыше устроила голову на по-

душке, подтянула простыню к горлу и продолжила:

– Я так сильно тебя люблю, так привязалась к тебе, что хочу все время быть с тобой!..

Последовала пауза. Она пока больше ничего не говорила. Игорь Владимирович тоже молчал. Но все же отмолчаться он не мог. Не та ситуация. И Игорь Владимирович осторожно, вкрадчиво заговорил:

– Танюша, я же работаю по двенадцать часов в сутки, я не могу больше времени уделять тебе, хотя я этого очень хочу!

– Я это прекрасно понимаю.

– Тогда в чем же дело?

Татьяна опять замолчала. Она собиралась с духом.

– Я имею в виду не наши встречи на конспиративной квартире и ужины в ресторане.

– А что же тогда?

– Ты не догадываешься? – заняла уже более наступательную позицию Татьяна. – Считаешь, что я должна удовлетвориться только этим?

Конечно, Игорь Владимирович уже начал понимать, к чему клонит Татьяна. Но старался потянуть время, надеясь, что все каким-то образом образуются.

Но не рассосалось. Не таков характер у Татьяны. Если она ставила перед собой цель, то шла к ней, не взирая ни на какие преграды.

– Мне уже надоело прятаться с тобой в чужой квартире! – решительно продолжила Татьяна. – Пора, как мне кажется,

нам с тобой начать полноценную совместную жизнь.

– Но я же женат! У меня дочь! – молниеносно парировал Игорь Владимирович.

– С женой ты можешь развестись, а с дочерью будешь видеться так часто, как сможешь! – безапелляционно ответила Татьяна. Этот ответ она подготовила заранее.

– Мне надо подумать... – выдавил из себя Игорь Владимирович.

Ему действительно нужно было все хорошенько обдумать. Менять привычный образ жизни, да и в карьере развод отнюдь не будет плюсом. Но самое главное – дочь. Он хотел видеть ее, общаться с ней каждый день, а не по выходным в качестве «воскресного отца».

Встречи в однокомнатной квартире в центре и ужины в ресторанах продолжились. А вот в планы совместного летнего отдыха пришлось внести коррективы. Дело в том, что ежегодная диспансеризация весной показала, что Игорь Владимирович нуждается в серьезном лечении. О госпитализации речь пока не шла, а вот санаторно-курортное лечение просто необходимо. Причем в специализированном санатории в Кисловодске. Подлечить сердечно-сосудистую систему, а заодно попить минеральную воду для купирования гастрита. В санатории общего профиля в Сочи этого нельзя обеспечить.

В Кисловодск Игорь Владимирович поехал один. А осенью прекратились и телефонные звонки от него.

Лоськова поняла, что поспешила с выяснением отноше-

ний с Игорем Владимировичем. Следовало подождать еще пару лет, а не ставить вопрос ребром после полутора лет связи.

Он еще сильнее привязался бы к ней, да и дочь к тому времени уже заканчивала бы школу, так что ему легче было бы пережить разлуку с ней.

Но это все было из области предположений и догадок. Поезд уже ушел.

Татьяна опять осталась одна. Ей вновь не на кого было положиться, кроме как на себя.

В конце бархатного сезона на юге Лоськова в профкоме академического института достала путевку в пансионат под Сочи. Она вылетела в Адлер, а оттуда на автобусе добралась до пансионата в виде огромного корпуса, похожего на пароход, на скале, на берегу Черного моря в нескольких километрах от Сочи.

В пансионате к Татьяне клеился папик среднего пошиба из министерства сельского хозяйства. Однако она отвергла его ухаживания. Никто не мог заменить Татьяне Игоря. Его образ всплывал в ее сознании, когда она оставалась одна, и мысли о нем, как назло, лезли и лезли ей в голову. Похоже, это была настоящая любовь! Во всяком случае, с ее стороны.

* * *

Лоськову вызвали в отдел кадров института. Кадровик,

пожилой отставник, находился в комнате не один: присутствовал также мужчина лет тридцати семи в черном костюме со слишком длинными рукавами пиджака, белой сорочке и с темным галстуком. Светловолосый, с серыми глазами.

– Знакомьтесь, Татьяна Анатольевна, это – Виктор Захарович! Он хочет побеседовать с вами по кадровому вопросу.

– Виктор Захарович – новый сотрудник нашего отдела кадров? – тут же поинтересовалась Лоськова.

– Нет, он из другого ведомства. Ну, я оставлю вас. У меня – обеденный перерыв.

Кадровик быстро покинул кабинет, оставив Лоськову наедине с гостем института. Что ему был нужно от ее – Татьяна не представляла.

– Капитан Афанасьев, Комитет государственной безопасности! – представился новоявленный собеседник. Удостоверение он не стал показывать – ведь не на улице обращается к ней, а в стенах учреждения, в помещении отдела кадров.

– Очень приятно! Татьяна Лоськова, младший научный сотрудник! – приветливо проговорила м.н.с. Лоськова.

– Татьяна Анатольевна, как складывается ваша работа в институте? Как продвигается работа над диссертацией?

– Спасибо, все в порядке! Работа идет своим чередом, а вот с диссертацией пока продвижения вперед нет. Но это поправимо, собираюсь плотнее заняться этим.

– А что если вам подумать о смене направления своей деятельности? Так сказать, переориентироваться в служебных

и жизненных приоритетах?

– Что вы имеете в виду? Меня моя нынешняя работа устраивает, – ответила Лоськова, хотя про себя подумала, что рассчитывала на большее в этом академическом институте.

– Мы имеем в виду ваши потенциальные возможности, перспективу карьеры. Вы же – умная, волевая, энергичная женщина. Нам кажется, что просиживать за столом в кабинете и читальном зале библиотеки – не совсем то поприще, которое вам подходит, – четко ответил капитан Афанасьев.

– А что же мне больше подходит? – с нажимом спросила Лоськова.

– Более активная работа, связанная больше с людьми, а не с книгами. К тому же вы неплохо знаете английский язык, в школе и университете учили английский.

– А вы, оказывается, неплохо изучили мою биографию, – сказала Татьяна, лишь бы потянуть время. Она пока не понимала, куда клонит капитан.

– Чтобы завершить тематику объективки, основных данных о вас, – спохватился и уточнил Афанасьев, – вы с Москвы, живете с родителями, так что пока в жилплощади не нуждаетесь. Так ведь?

Уши Татьяны резануло «с Москвы». Сам этот Афанасьев явно не из Москвы. Но это его проблемы. Ей бы самой разобраться со своими проблемами, и в частности с тем, что ему нужно от нее.

– Пока не нуждаюсь, – ответила Лоськова. – Но вы ведь не из отдела учета и распределения жилой площади.

«Острая на язык баба, – подумал Афанасьев. – И самообладание не теряет. Первое качество может и лишнее, а вот второе – явно в кассу».

– Не буду ходить вокруг да около, – обозначил свою позицию капитан Афанасьев. – По нашему мнению, вы подходите для службы в Комитете государственной безопасности СССР.

– Для службы в КГБ?! – переспросила удивленно Лоськова.

– Именно для службы, – на всякий случай внес ясность Афанасьев. – Не работать в качестве вольнонаемного, а служить офицером. Естественно, после соответствующей подготовки.

– Я и КГБ? Мне казалось, что это чисто мужская работа. Извините, служба, – уточнила Лоськова.

– По некоторым показателям вы мужчинам фору дадите, – заметил Афанасьев, не указав, какие показатели он подразумевает.

– Мне надо подумать! Это так все неожиданно!..

– Конечно, следует все хорошенько обдумать, прежде чем принять решение! – поспешно заметил Афанасьев.

Он порадовался тому, что она не отвергла с ходу предложение. Все же не зря, судя по всему, они работали по ее кандидатуре несколько лет.

– Да, я подумаю. А как мне дать вам ответ? – спросила Лоськова.

– Татьяна Анатольевна, вы подумайте о смене направления деятельности, да и жизненного уклада. У вас будет еще одна встреча с другим нашим представителем, где появится возможность обсудить вопросы новой работы.

Ждем вас послезавтра ровно в двенадцать часов в приемной КГБ СССР на Кузнецком мосту.

– Я обязательно приду! – ответила Лоськова, удивляясь самой себе, что не отвергла предложение капитана и готова всерьез подумать о кардинальных переменах в карьере и в целом в жизни.

* * *

В назначенные день и час Татьяна Лоськова явилась в приемную КГБ на Кузнецком мосту. Дежурный проверил ее паспорт, посмотрел в журнал и повел ее в заказанный для беседы с ней кабинет.

Этот кабинет оказался занятым другой парой – сотрудником и гостем. Дежурный на секунду замешкался, но тут же взял себя в руки.

– Ничего страшного! Я проведу вас в другой кабинет.

Он стал заглядывать в соседние кабинеты и наконец обнаружил свободный.

– Проходите сюда! – пригласил дежурный Лоськову. – Я

сейчас свяжусь с офицером, с которым назначена встреча.

Дежурный покинул кабинет, оставив Лоськову разглядывать эту комнату. Среднего размера, с обшарпанной казенной мебелью.

«Обстановочку комфортной не назовешь, – подумала Татьяна. – К тому же перепутали кабинет. Полный бардак, как и везде!»

В кабинет вошел сотрудник в штатском. Лет сорока, выше среднего роста. Шатен с темными глазами. На нем были темносерые брюки, бежевый пиджак в клеточку, голубая сорочка с синим галстуком в красную полосу. Он явно отличался от предыдущих собеседников из этого ведомства.

– Майор Виноградов Александр Георгиевич! – представился вошедший, широко улыбнувшись открытой, располагающей к себе улыбкой. – Прошу вас, присаживайтесь к столу!

Майор Виноградов сам подошел к столу с той стороны, где стоял один стул, предназначенный для хозяина кабинета, и жестом пригласил гостью занять один из двух стульев, стоявших у противоположной стороны канцелярского стола. Он сел только после того, как Лоськова заняла свое место.

– Татьяна Анатольевна, если не возражаете, продолжим беседу, начатую капитаном Афанасьевым! – Виноградов вновь лучезарно улыбнулся, показывая полную гармонию с окружающим миром и настрой на приятную беседу со столь красивой гостьей.

– Слушаю вас, Александр Георгиевич! С момента встречи с Виктором Захаровичем прошло двое суток, я прекрасно помню содержание нашей беседы, – обворожительно улыbnувшись, в свою очередь, промолвила Лоськова. Упомянув без запинки имена и отчества обоих собеседников, она как бы показала, что тоже не лыком шита.

– Афанасьев коснулся общих тем, а я хотел бы конкретизировать некоторые моменты. Виктор Захарович – кадровик, а я представляю внешнюю разведку.

– Судя по вашим манерам и одежде, вы работали за границей, – заметила Лоськова.

– Не без этого, – неопределенно ответил Виноградов, прослуживший несколько лет в советском посольстве в Вашингтоне, где специализировался на внешней контрразведке, в задачи которой входит не допускать вторжения потенциального противника в нашу деятельность и предотвращать нежелательные действия со стороны советских сотрудников. – Имею некоторый опыт заграничной работы, – обтекаемо объяснил майор.

Лоськова уже совсем осмелела и решила озвучить мысли, которые пришли ей в голову:

– Если сравнивать Афанасьева и вас, то он как бы актер провинциального театра, а вы похожи на звезду МХАТа.

– Ну, вы уж хватили лишку! – нервно засмеялся Виноградов, хотя ему было лестно слышать подобную оценку от этой молодой миловидной женщины. – Однако актерские навыки

действительно необходимы в нашей профессии.

– Вот именно! Наверное, бывают такие моменты, – показала свою сообразительность Лоськова.

– Всякое бывает. В развивающихся странах есть много друзей Советского Союза. Некоторые из них готовы помогать нам по мере возможности. Другие только прикидываются друзьями, и нужно вступить в игру, изображать, что доверяешь. Чтобы в конце концов понять: это представление, спектакль или реальное желание сотрудничать.

– А в западных государствах? Там, вероятно, все сложно?

– Там работать действительно сложнее, – приоткрыл завесу Виноградов. – Но все относительно.

Выдержав паузу, действительно, почти мхатовскую паузу, он продолжил:

– Мы с вами незаметно перешли на профессиональный разговор. Поэтому буду откровенен с вами. Мы планируем со временем использовать вас в нашей работе в поле.

Слово «нашей» он произнес с особым нажимом, тем самым подчеркивая будущую общность работы Лоськовой и его собственной. Он, словно, принимал ее в великое братство.

– А что все же входит в понятие этой профессии? – спросила Лоськова, спокойно, без всякого нажима.

– Прежде всего – сбор информации, – с готовностью пояснил Виноградов. – Из прессы и открытой литературы, бесед с дипломатами и журналистами. И конечно же – из аген-

турных источников.

– А как найти эти источники? Они же не бегут сами в наши посольства?

– Бывает, что и приходят. Но крайне редко. И не всегда от них толк.

– А что конкретно подразумевается под работой в поле?

– Всего я не могу сказать вам. В общих чертах – сбор информации на основе имеющихся источников и вербовка источников информации, в том числе в закрытых зонах.

– Звучит интригующе. Не знаю, справлюсь ли я?

– Время покажет. Думаю, что справитесь, судя по вашим потенциальным возможностям.

Оба собеседника замолчали. Он сказал, пожалуй, все что мог на данный момент. Дело было за Лоськовой.

– Татьяна Анатольевна, все и сразу я не в состоянии рассказать вам. Главное – ваше желание служить в интересах Родины. Вы согласны работать у нас?

Татьяна Лоськова уже два дня неотрывно думала об этом. Готова ли она служить в КГБ? Этот вопрос был поставлен перед ней на встрече с Афанасьевым. Беседа с Виноградовым многое прояснила. И сам этот майор явился для нее прообразом, синонимом профессионального успеха и уверенности в своих силах, хотя она не знала толком направление его деятельности.

Тянуть лямку в академическом институте? Конечно, она защитит диссертацию рано или поздно. За кандидатской

диссертацией как символ полного успеха будет маячить где-то далеко впереди докторская диссертация. Но она по характеру была все же не научным червем, а деятельной натурой.

За чисто реальными, осязаемыми вещами стояли и моменты, которые не имели рационального объяснения. Она не могла в открытую признаться себе в этом. Но подсознательно она выбирала этот путь ради того, в том числе, чтобы отыграться на Валерии, переплюнуть его. Он пошел в милицию, а она пойдет еще выше – в госбезопасность. Она затмит его выбор. И даже в глубине души она не могла сказать себе, что затмит не только его профессиональный выбор, но и выбор в личной жизни.

– Я согласна! – коротко ответила Татьяна Лоськова, сделав свой выбор.

На другой день Виноградов и Афанасьев встретились, чтобы окончательно обсудить кандидатуру Лоськовой. Кадровая служба комитета обратила внимание на Лоськову, еще когда она училась на последнем курсе в университете. Ею продолжали интересоваться и когда она поступила на работу в академический институт. О личной жизни узнавали через подруг и знакомых, в том числе от ее ближайшей подружки Галины.

– Лоськова подходит по большинству параметров, – заключил Афанасьев.

– Я согласен, – сказал Виноградов. – Из нее может получиться очень перспективный сотрудник.

– Но меня смущает кое-что, – поделился сомнениями капитан.

– Ты имеешь в виду ее личную жизнь? – спросил майор.

– Вот именно! Ее связи с мужчинами.

– Как раз это может стать плюсом в период заграничной работы.

– Каким образом? Ведь неупорядоченные половые связи могут обернуться деградацией личности со всеми вытекающими негативными последствиями, – многозначительно изрек кадровик.

– Вполне возможно. – согласился Виноградов. – Но в нашем случае с Лоськовой, во-первых, нет неупорядоченных половых связей. Она не замужем и может позволить себе секс с мужчинами, даже женатыми. Во-вторых, ее отношение к сексу, скажем так, в более свободном, потребительском толковании по сравнению с монахинями, свидетельствует о ее дополнительном потенциале в плане выполнения некоторых профессиональных задач на новом поприще.

– Что-то больно мудро вы закрутили, Александр Георгиевич! – не сдавался блюститель нравственности Афанасьев.

– Объясняю... – Виноградов запнулся на секунду, он хотел сказать «по-простому», но сдержал себя, боясь обидеть капитана, и продолжил: – Покороче. Ввиду того, что Лоськова уже имела половые контакты с несколькими мужчинами и относится к этому несколько проще, чем школьница, влюбившаяся в одноклассника, ее легче подложить под ин-

тересующий нас объект. Во всяком случае, больше шансов, что она согласится на этот шаг.

– Это другое дело. Теперь понятно, – протянул Афанасьев.

– Ну что, даем добро на кандидатуру Лоськовой? – подытожил майор.

– Согласен! – коротко ответил капитан.

* * *

Татьяна Лоськова прошла профессиональную подготовку разведчика. Основы проверки и ухода от слежки. Главные признаки лица человека, позволяющие молниеносно запомнить эту физиономию при мимолетной встрече. Управление автомобилями различных моделей. Стрельба из пистолета и автомата – необходимо уметь применять стрелковое оружие. В учебный курс входили и такие специфические предметы, как игра в покер, бридж, умение правильно держаться за столом на званом обеде. Подтянула она и английский язык.

Особое внимание было уделено физической подготовке. Бег, подтягивание на турнике, отжимание от пола десятки раз.

Курсанты осваивали также основы самбо – самообороны без оружия. Приемы самбо должны помочь при рукопашной схватке – судьба разведчика может преподнести и такую необходимость.

В учебную программу входил специальный курс – страноведение. Татьяну определили на азиатский регион, в частности, Японию и Сингапур. На Японию – как самую развитую страну Азии и одно из ведущих в экономическом отношении государств мира. На Сингапур – как азиатский город-государство, наиболее приближенный к западным стандартам среди азиатских стран.

После окончания учебы Лоськовой присвоили офицерское звание и направили в центральный аппарат в азиатский отдел. Там она изучала оперативные материалы из стран региона, прежде всего из Японии и Сингапура.

По истечении двух лет судьба Лоськовой была окончательно определена: в какой стране будет служить и под какой крышей. Ее приняли на работу в ведущую авиакомпанию, а еще через год она была командирована в представительство этой компании в Токио.

* * *

Работа в представительстве авиакомпании давала неоценимые преимущества в плане рабочего графика и свободного времени. Лоськова дежурила по сменам и поэтому официально имела отгулы в рабочие дни недели. Что позволяло беспрепятственно ездить в посольство и работать по основному профилю – в резидентуре. А внешне это выглядело так: в свободные дни она отправлялась в посольство по вполне

понятным причинам – побывать в кооперативном магазине в подвальном помещении клубного здания, где товары стоили дешевле, чем в местных магазинах. Посмотреть последние советские фильмы в клубе.

По линии резидентуры Лоськова выполняла мелкие поручения, не выходявшие за пределы текучки. Но и этой работой кто-то должен заниматься.

На второй год службы в Токио у Лоськовой произошел феерический взлет в карьере разведчика.

Татьяна Лоськова работала в головном офисе авиакомпания в квартале Тораномон. Это помещение находилось на первом этаже обычного десятиэтажного офисного здания, примерно в двух километрах от комплекса МИДа Японии в Касумигасэки. Дальше за министерством иностранных дел располагалось величественное, мощное здание японского парламента. А в противоположном направлении, приблизительно в трех километрах от представительства авиакомпании, размещалось на Роппонги советское посольство.

Рейсы из Москвы в Токио и обратно в советскую столицу осуществлялись несколько раз в неделю. В эти дни Лоськова дежурила в офисе авиакомпании в аэропорту Ханэда.

Ханэда находится на полпути из Токио в Йокогаму – крупный портовый город на Японских островах. Туда можно добраться на машине по хайвэю или электричкой. Вообще-то весь этот регион представляет собой один сплошной городской конгломерат из жилых домов, офисных зданий, про-

мышленных предприятий и складов. После Токио и его пригородов идут окраины промышленного города Кавасаки с многочисленными трубами заводов, потом сам город, затем начинаются пригороды Йокогамы, переходящие в основную часть большого города. Восточнее этой территории переливается серой гладью Токийский залив. Сухогрузы, танкеры и пассажирские лайнеры здесь постоянные гости.

В здании аэропорта Ханэда располагались офисы многих мировых гигантов авиаперевозок. Сотрудники этих представительств знали друг друга в лицо, не по фамилии, некоторые были знакомы более тесно, общались по служебным надобностям. Например, British Airways осуществляла полеты из Лондона в Токио и обратно с посадкой в Москве. Иногда, когда поток авиапассажиров был невелик, британская авиакомпания и советский авиагигант объединяли рейсы в целях экономии.

Полеты осуществляли чаще всего одни и те же экипажи. Поэтому многих зарубежных летчиков, не говоря уже о представителях авиакомпаний, сотрудники представительств компаний узнавали, что называется, по физиономиям.

Не была исключением и сотрудница представительства советской авиакомпании Татьяна Лоськова, которая примечала некоторых представителей других компаний. Особый интерес у нее вызывал сотрудник представительства крупной европейской авиакомпании. Высокого роста, нордиче-

ской внешности. Он привлекал внимание и потому, что Татьяна заметила: мужчина с интересом поглядывал на нее, когда они изредка пересекались в коридорах служебной зоны аэропорта. Потом стали здороваться кивками головы, затем – улыбаться друг другу при встречах. Между ними установились какие-то незримые нити притяжения. Но Лоськова не форсировала события.

При очередной встрече в коридоре служебной зоны Ханэды Татьяна и Роберт не просто обменялись приветствиями, но поговорили накоротке об осеннем настроении каждого из них, о погоде в Японии.

– Вы вечером не заняты? – неожиданно спросил Роберт.

– Нет, особых планов не имеется – с некоторым удивлением отреагировала Лоськова. А про себя констатировала: «Лед тронулся!»

– Как вы смотрите на то, чтобы нам поужинать вместе? – с максимальной деликатностью проговорил собеседник.

Лоськова не сразу ответила. Посмотрела на часы, а потом сказала, глядя ему в глаза:

– А почему бы и не поужинать? Давайте!

– Тогда предлагаю отправиться в Токио на автобусе-экспрессе из аэропорта в семь вечера!

– В семь так в семь!

Они поужинали в ресторане на площади у Токийского вокзала. Там специализировались на японской кухне. Отвечали набэ – овощи, прежде всего капуста и молодые порос-

ли бобов, в бульоне с кусочками мяса, которые готовятся на вмонтированной в стол газовой плите. Из напитков – пиво «Кирин». И, конечно, заказали кофе на десерт.

Из ресторана Лоськова отправилась на такси домой в апартаменты «Дайканьяма», а новоиспеченный друг – в четырехзвездочный отель. Они условились о следующей встрече.

Татьяна и Роберт не только ужинали вместе, но иногда и гуляли по улицам Токио и Иокогамы, беседуя о делах своих авиакомпаний, о нравах японцев и о многом другом, что могло интересовать обоих. Например, о французском эротическом фильме «Эммануэль» с участием голландской актрисы Сильвии Кристель и об американских боевиках с Сильвестром Сталлоне в главных ролях.

– Все же у этих боевиков слишком примитивные сюжеты, – делилась своим мнением Татьяна.

– Согласен, – отвечал Роберт. – Но в этих фильмах основное не сюжет, а главный герой – Сталлоне.

– У него какая-то дегенеративная внешность: выпученные глаза, полуоткрытый рот.

При этих словах Лоськовой Роберт громко рассмеялся. Ему пришлось по душе безапелляционность оценок русской. Да и она сама, если честно признаться, нравилась ему не на шутку.

Как-то они вместе ехали в такси после ужина в ресторане, где заказали серлоин-стейки – большие порции говядины

с жирком и картофель-фри. Впереди был выходной день, и настроение у них – приподнятое.

Роберт привлек Татьяну к себе, обнял и стал целовать в губы. Она не отстранилась, а ответила страстным поцелуем. На этом все и закончилось.

В другой раз они гуляли по вечерним токийским улицам, взявшись за руки. В малолюдном месте Роберт остановился и потянулся лицом к губам Татьяны. Поцелуй получился не очень горячим и долгим. Все же Токио – не Париж, тут не принято целоваться на публике.

– Поедем ко мне в отель! – негромко произнес Роберт.

– Всему свое время, – ответила Лоськова, не оставив его без надежды.

Но продолжения знакомства с иностранцем с подключением такого аргумента, как постель, пока не требовалось. Роберт созрел буквально на глазах.

Во время очередной встречи в воскресенье Татьяна попросила Роберта передать письмо подруге в Москве.

– У Варвары день рождения, я не успею почтой отправить поздравительное послание, – объяснила Лоськова другу.

– А подруга – симпатичная? – пошутил Роберт.

– Смотри мне! – погрозила ему пальцем Татьяна также в шутку. – Я тебя изобью, если узнаю о подобном!

– От русских женщин этого можно ожидать! – то ли в шутку, то ли всерьез заметил Роберт, которому предстояло слетать на родину в головной офис с посадкой в Москве.

В конверт Лоськова вложила поздравительную открытку и коротенькое письмецо, а также вырезку из англоязычной газеты Japan Times с рекомендациями американского косметолога по уходу за кожей лица.

Момент передачи Лоськовой конверта иностранцу запечатлели ее коллеги камерами с телеобъективами.

В московском аэропорту Шереметьево-2 вручение Робертом конверта «подруге» Лосковой также было зафиксировано фотоаппаратами. Классический вариант передачи «посылки» из одной столицы в другую.

С новой просьбой Татьяна обратилась к Роберту не сразу. Прошло еще несколько их встреч, прежде чем она завела с ним разговор на деликатную тему.

– Помнишь мою подругу, которой передавал мое письмо с поздравлениями по случаю дня рождения?

– Конечно, помню ее прекрасно! – ответил Роберт. – Хотя она и не отличается красотой, как ты, до тебя ей так же далеко, как от Токио до Москвы.

– Благодарю за комплимент! Но дело серьезное. Подруга вступила в жилищно-строительный кооператив...

– А что это такое? – перебил собеседник, задав резонный вопрос.

– Это такая форма приобретения жилища, когда люди оплачивают определенную сумму, государство добавляет от себя, и на эти деньги строится жилой дом.

– Похоже на ипотеку, которая используется в западных

странах. У нас на приобретение жилья берут кредит в банке. Кстати, мы с женой тоже собираемся использовать ипотеку для приобретения собственного жилища. Сейчас мы арендуем квартиру, но хотелось бы иметь жилье в собственности, тем более что мы планируем со временем завести ребенка. Но нужно подкопить денег.

– Флаг вам в руки! Желаю вам успеха на этом поприще! – сказала Лоськова, не уточнив, на каком именно поприще: жилищном или детородном.

– Спасибо за пожелание! Ты, Татьяна, настоящий друг, хотя и не спешишь перейти в следующую категорию отношений между женщиной и мужчиной.

Лоськова оставила без ответа последнюю ремарку друга. Ее занимали более серьезные мысли.

– Так вот, подруге срочно нужны деньги на взнос в жилищно-строительный кооператив, – вернулась к основной теме Лоськова. – Она попросила меня одолжить ей деньги.

– И сколько же она просит? – поинтересовался Роберт.

– Пять тысяч долларов.

– Немалая сумма.

– Ради ближайшей подруги я готова пойти на это. Но деньги нужно передать очень быстро. И вопрос в том, готов ли ты, Роберт, помочь мне?

– Собрать эту сумму? – насторожился иностранец, мигом сосредоточившись так, как будто сейчас решалась его судьба.

– Нет, деньги эти я найду. Нужно быстро передать их по-друге. И тут я рассчитываю на тебя, Роберт!

При этих словах Лоськовой ее друг слегка расслабился. Денег одалживать не придется. Но нужно будет передать их в Москве.

– А почему нельзя отправить деньги переводом через банк? – попытался уклониться от любой обязанности Роберт.

– У меня нет счета в японском банке. И у нас не принято переводить валюту, – объяснила Лоськова.

– Понятно! Зато у вас принято все делать для друзей. Используя других друзей! – подвел итог иностранец.

– Так ты поможешь мне, Роберт? – умоляюще спросила Татьяна, заглядывая ему в глаза.

Роберт ответил не сразу. Безусловно, ему не хотелось связываться с денежными проблемами, тем более с советскими гражданами. Но ему также очень не хотелось портить отношения с Татьяной. На эту красивую русскую он делал ставку, мечтая обладать ее роскошным телом с узкими бедрами и большой грудью.

– Хорошо, я выполню твою просьбу! – согласился иностранец.

Услышав эти слова, Лоськова поцеловала его в щеку и потом положила свою руку ему сверху на ладонь и с чувством пожалала.

– Спасибо огромное, Роберт! Я этого никогда не забуду!

Разговор происходил вечером в Иокогаме в суси-баре, где они заказали унаги – угря на рисовой лепешке, эби – креветки и другие морепродукты, а также сисямо – мелкие рыбешки, обжаренные в масле. Роберт и Татьяна пили пиво «Саппоро».

Не откладывая дело в дальний ящик, следуя русской поговорке «Куй железо пока горячо!», Лоськова достала из дамской сумочки пачку стодолларовых купюр и протянула ее другу.

– Роберт, передай, пожалуйста, деньги подруге! Она встретит тебя в Шереметьево-2, когда прилетишь ближайшим рейсом в Москву.

На эту сцену вроде бы не обратил внимания никто из посетителей сусичной – ни японцы, ни двое высоких мужчин европейской внешности, сидевших за три столика от Лоськовой и ее спутника. Скорее всего, американские военнослужащие на отдыхе. Но один из этих двоих незаметно сфотографировал крохотным аппаратом, как женщина передавала деньги и как ее сосед по столику принимал их.

По возвращении в Токио Роберт с гордостью сообщил, что передал деньги подруге Татьяны, как они и условились. Разговор состоялся во время прогулки по Синдзюку-дори, оживленной улице района Синдзюку, где помимо административных и торговых помещений выделялся Кабуки-тё, квартал развлечений – с ночными заведениями, стриптиз-клубами, отелями с почасовой оплатой номеров.

– Поедем ко мне в отель! – с хрипотцой в голосе проговорил иностранец.

– Лучше давай пойдём сюда! – русская потянула его в квартал Кабуки-тё.

Пройдя пару сотен метров, они углубились в этот квартал и вошли в love hotel, где сняли номер на третьем этаже. Заказали пиво «Асахи», виски «Сантори», орешки и сэндвичи.

Татьяна пила пиво, а Роберт – виски. На следующий день у него был выходной.

– Почему ты пьешь только пиво? Попробуй виски! – решил подготовиться к любовному наступлению Роберт.

– Хорошо, я выпью виски. А ты выпей ерш!

– Что это такое? – спросил иностранец.

Татьяна, ни слова не говоря, налила себе в чистый бокал виски, подлила виски в бокал Роберта и налила туда же добрую порцию пива. Татьяна чокнулась бокалом с бокалом Роберта, и они залпом выпили их содержимое.

Иностранца вскоре развезло. Он полез к Лоськовой и жестом пригласил ее в постель.

– Сейчас, Роберт, один момент! Давай сначала разденемся!

Она сняла с себя платье и осталась в комбинации и чулках. Он снял с себя пиджак, стянул прочь брюки, освободился от рубашки и остался в белых трусах, белой майке с короткими рукавами и черных носках.

– Роберт, ты мне помог с подружкой, передав ей деньги от

меня, – заявила Лоськова, прежде чем нырнуть в койку.

Горе-любовник сморщился от досады. Ему не нужны были сейчас словесные благодарности от русской. Она должна была отблагодарить его в постели.

– Потом, потом!.. – пробормотал Роберт. – Сначала кошечка ублажит меня на мягкой кровати.

– Я вся твоя! – с готовностью откликнулась Лоськова. – Но сначала я хочу сделать тебе подарок.

– Какой еще подарок? – не понял Роберт. Он потянулся к Лоськовой и обнял ее.

Она освободилась от объятий и продолжила.

– Роберт, ты помог мне по вопросу жилья моей ближайшей подруги, а я хочу помочь тебе решить твою жилищную проблему.

Лоськова вынула из сумочки толстую пачку долларов и протянула ее Роберту.

– Здесь десять тысяч долларов. Тебе на оплату первого взноса по ипотеке.

Иностранец молча уставился на Лоськову. Потом протянул руку и взял деньги.

– Когда мне будет нужно вернуть долг? – спросил он.

– Когда сможешь.

– Я обязательно верну! А сейчас дам тебе расписку!

– Не нужно никакой расписки! Я и так верю тебе, Роберт.

– Нет, я напишу расписку! – настоял на своем настоящий мужчина.

Он взял с прикроватной тумбочки гостиничные блокнот и шариковую ручку и приготовился писать.

– Что написать?

– Ну, хорошо, – смилостивилась Лоськова. – Напиши: я такой-то такой, получил от Лоськовой Татьяны, гражданки СССР, десять тысяч долларов. Подпись и дата.

Роберт написал на листике блокнота этот текст, поставил свою подпись и дату.

Спрятав листок с распиской иностранца в сумочку, Лоськова стала поспешно одеваться.

– Ты куда?! – возопил Роберт. – Мы же еще...

– Я себя плохо почувствовала! Много выпила. Необходимо немедленно обратиться к врачу.

– Умоляю, останься! – взмолился Роберт.

– В другой раз! – ответила Татьяна. – Но у меня есть для тебя и хорошая новость: ты сможешь не возвращать эти деньги, если будешь передавать пакеты, как тогда моей подруге в Москве. Но другим людям и в других столицах.

– Что ты имеешь в виду? – не понял западный гражданин.

– Работу на Советский Союз за хорошую оплату, – пояснила советская гражданка.

Иностранец промолчал. Молчание, как известно, знак согласия.

– Кстати, за каждую передачу конверта или пакета ты будешь получать дополнительную сумму денег. И весьма немалую, – добавила Лоськова.

Роберт кивнул, смирившись с неизбежным. Он понял, что деваться ему некуда.

Лоськова достала из сумочки несколько фотографий, решив подкрепить слова вещественными доказательствами. Она протянула визави эти снимки, на которых он был изображен получающим деньги от Лоськовой в ресторане, берущим у нее конверт в Токио, передающим конверт женщине в аэропорту Шереметьево.

– Все очень серьезно, Роберт! – подвела итог Лоськова. – И если ты будешь действовать строго в соответствии с нашими инструкциями, у тебя будет все хорошо. К тому же получишь неплохие деньги. Хватит не только на оплату квартиры.

Дело сделано! Сотрудник одной из ведущих авиакомпаний мира завербован. Он будет использован в качестве связника при полетах в столицы различных стран.

Лоськова собрала свои пожитки и направилась к выходу из номера. Но внезапно что-то остановило ее.

«Роберт ей больше не нужен. Он нужен конторе. Теперь на связь с ним будут выходить другие люди, не она. Увидится ли она с Робертом? Скорее всего – нет!.. Ей будет его не доставать. Она уже успела привязаться к нему. Неужели влюбилась на самом деле, напоказ изображая влюбленность?!»

Татьяна резко развернулась и сделала несколько быстрых шагов к кровати. Стала поспешно раздеваться...

Прошел год со времени вербовки Лоськовой представителя иностранной авиакомпании. Теперь ей предстояло выполнить одну из основных функций в операции по прикрытию выхода коллеги на интересующий резидентуру и Центр очень важный объект. Что за объект – она не знала.

Встреча советского журналиста с японским парламентарием должна была состояться в ресторане в переулке за задней частью универмага «Мицукоси» в квартале Гиндза. Ресторан имел и второй небольшой вход из переулка по другую сторону здания. Поскольку к месту встречи непосредственно примыкало торговое предприятие, то вполне естественно, что в тех краях могла находиться женщина, ведь именно женщины составляют основную часть посетителей универмагов и магазинов. К тому же у Лоськовой в распоряжении была автомашина авиакомпании с белыми обычными номерами, а не голубыми номерами дипломатических миссий.

Лоськова заранее за два часа до намеченной встречи в ресторане припарковала «ниссан-глорию» в переулке позади «Мицукоси», оплатила парковку в парковочном автомате и вошла в универмаг. Поднялась на эскалаторе на третий этаж, не спеша обошла ряды платьев, жакетов. Примерила две блузки – голубую и розовую – в примерочной, закрыв занавеску. Одновременно проверила работу рации на пред-

мет готовности экстренной связи с коллегами. Потом поднялась на шестой этаж, где размещались секции предметов домашнего обихода – тоже ведь небезынтересные вещи для женщин.

Спустившись на первый этаж, Лоськова вышла на улицу и заплатила в автомате за продление парковочного времени. Внимательно огляделась во все стороны. Вроде бы подозрительного ничего не было. Автомашин, полных пассажиров мужского пола, случайных прохожих, слоняющихся по переулку туда-сюда, не наблюдалось. Лоськова вернулась на первый этаж универмага, где традиционно размещались секции косметики, бижутерии и ювелирных изделий. Стала медленно передвигаться от одной прилавка к другому, стараясь быть поближе к широким окнам, выходящим на переулок. Время от времени выходила в переулок, чтобы покурить около урны у входа. А заодно и зорко оглядеть переулок на предмет чего-либо подозрительного. Пока все было спокойно, в штатном режиме.

Подъехав к заднему входу в «Мицукоси», Лоськова оставила двери машины незапертыми. И в автомобиль юркнули прибывшие к месту проведения операции Веригин и Мазун. Они уселись сзади, но не на пассажирские сиденья, а на пол, чтобы их туловища не были видны снаружи. Задние боковые окна «глории» частично закрывали противосолнечные защитные устройства размером с теннисную ракетку, крепящиеся к стеклам на присосках. Веригин взял в качестве зоны

обзора тот участок переулка, который был впереди автомобиля, а Мазун устремил взор на тыльную часть зоны.

Два других оперативника – Щеглов и Снаткин барражировали на оживленных улицах Сёва-дори и Тюо-дори в местах, примыкающих к въездам в два переулка, которые окаймляют здание, где размещается ресторан. Щеглов пристроился у автобусной остановки, посматривая на часы, как бы ожидая автобуса нужного маршрута, потом подходил ближе к переулку и внимательно изучал обстановку на подступах к нему. Снаткин терся у въезда в другой переулок, покуривая, разглядывая витрины ювелирного магазина. Не забывая при этом о главном – вовремя засечь появление японской наружки.

* * *

Корреспондент отъехал от здания отделения информгентства в районе Сибуя в полдень. Направился в противоположный край города – Канда. Там зашел в книжный магазин, изучил стеллажи с книгами на японском и английском языках. Выбрал две и оплатил на кассе.

Потом отправился в обратном направлении и остановился на стоянке ресторана быстрого питания Kentucky Fried Chicken на проспекте Яматэ-дори. Ланч состоял из порции куриных ножек и грудок с аппетитной корочкой, капустного салата, двух булочек и бутылочки кока-колы. Вполне подхо-

дящая еда – нельзя сказать, что наешься до отвала, но и с голоду не умрешь.

С Яматэ-дори Торопов вновь поехал в центр города. В квартале Касумигасэки зарулил на территорию министерства иностранных дел Японии. Там по средам в три часа дня проходили еженедельные брифинги для иностранных корреспондентов. Официальный представитель МИД в ранге директора департамента информации рассказывал о текущих внешнеполитических событиях. Обычно это был скучный пересказ официальных документов японского правительства и информационных бюллетеней МИД. Ответы на вопросы журналистской братии сводились к сухому изложению общеизвестных фактов. Чего-то новенького или тем более жареного никогда не было.

На сей раз основной темой брифинга был предстоящий через несколько дней визит в Токио государственного секретаря США.

– Какова программа пребывания государственного секретаря в Японии? – задал незамысловатый вопрос корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс Тим Новак.

– Программа предусматривает переговоры с министром иностранных дел. Государственный секретарь будет принят премьер-министром, – сообщил ни к чему не обязывающую информацию представитель МИД.

– Ожидается ли обсуждение сложных вопросов в двусто-

ронных отношениях? – спросил корреспондент АП.

– Отношения между Японией и Соединенными Штатами отличаются соблюдением взаимных интересов. Наши союзнические связи основаны на двустороннем договоре безопасности, заключенном в 1960 году, и они выдержали испытания временем и показали пример подлинного сотрудничества и взаимопомощи в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, – заученно произнес представитель японского внешнеполитического ведомства.

Тут в разговор вмешался корреспондент американской газеты «Сан-Франциско кроникал» Сэм Дэвис:

– Будут ли приняты японской стороной радикальные меры по недопущению выступлений японского населения против присутствия американских военных баз на Японских островах, особенно на Окинаве? Мы прикрываем Японию нашим «ядерным зонтом», а вместо благодарности японцы устраивают демонстрации протеста перед нашими базами. Где здесь логика? Доколе японские власти будут нянчиться с доморощенными пацифистами?

Представитель МИД завертелся, как уж на горячей сковороде:

– Японская сторона высоко ценит японо-американские отношения. Двусторонний договор безопасности является краеугольным камнем нашей внешней политики.

– Почему же тогда Токио не может обуздать антивоенные выступления, направленные против Соединенных Шта-

тов? – не унимался Сэм Дэвис.

– Мы делаем все возможное, чтобы обеспечить безоговорочное исполнение обязательств по договору безопасности. Но мы не можем нарушать положения конституции, гарантирующие свободное волеизъявление, – выворачивался, как мог, представитель МИД.

– Опять общие слова, вместо конкретных действий. Ладно, поехали дальше! – брал в клещи японского чиновника американский представитель. – Когда, наконец, японцы услышат настоятельные призывы американской стороны открыть рынок Японии для американских цитрусовых и говядины? Что готова японская сторона пообещать американской по этой проблеме в ходе визита государственного секретаря?

– Мы внимательно изучили пожелания и предложения наших американских друзей! Но я не уполномочен развивать данную тему, – отбивался от Дэвиса директор департамента информации МИД Японии.

Сэм Дэвис – высоченный мужчина средних лет с яйцеобразным черепом. Бросались в глаза его очень большие уши, которые особенно выделялись на фоне короткой стрижки. На его лице постоянно присутствовала полуулыбка-полуусмешка, придававшая брезгливое выражение.

Дэвис был кадровым сотрудником ЦРУ, действовавшим под журналистским прикрытием. На всех брифингах в МИД Японии он задавал нелюбезные вопросы. Сэм наглова-

то вел себя и в клубе иностранных корреспондентов на восемнадцатом этаже «Юракутё дэнки биру», расположенном на Сёва-дори в паре километров от территории императорского дворца. Почти каждый вечер он проводил в клубе, где встречался с японцами и иностранцами, громко разговаривая и смеясь, всячески показывая, что он – хозяин положения. На конспиративных встречах он, по-видимому, разговаривал потише, но все равно наглости ему было не занимать.

После окончания брифинга иностранные журналисты спустились на лифте с пятого этажа на первый и вышли на территорию перед зданием МИДа, огороженную металлическим забором. Некоторые корреспонденты пошли к стоянке автомашин, но большинство направилось пешком к воротам. Кое-кто из зарубежных журналистов не имел автомобилей, предпочитая пользоваться такси, другие арендовали квартиры в центральных районах Токио и пришли на брифинг в МИД пешком.

Торопов присоединился к тем, кто пошел пешком с территории японского внешнеполитического ведомства. Он проник в центр этой группы и вместе со всеми покинул владения МИДа.

Пройдя с километр по оживленному проспекту, корреспондент повернул налево и затем вошел в парк Хибия. Это, скорее, очень большой сквер или маленький парк в центральной части мегаполиса. Здесь имелась открытая веранда, где проходили концерты эстрадных певцов средней вели-

чины. Сейчас в парке было малоллюдно. И за Тороповым никто не последовал в парк.

Побродив по аллеям Хибия с полчаса, Торопов покинул парк, перешел на противоположную сторону улицы и вошел в отель «Империал». Помимо названия по-английски этот пятизвездочный старинный отель имел и японское наименование: «Тэйкоку».

В баре лобби отеля Торопов заказал апельсиновый сок. Не торопясь выпив сок, он направился в туалет. Там зашел в кабинку и прикрыл дверь, но не до конца, оставив узкую щель. Стал наблюдать, поспешит ли кто вслед за ним в туалет. В течение нескольких минут никто не вошел в туалет, потом начали появляться обычные посетители: кто в деловом костюме, выдававшем заурядного служащего, кто в праздничном черном костюме, белой сорочке и белом галстуке – так одеваются гости на свадьбы и другие торжественные мероприятия.

Из туалета корреспондент направился к лифтам и поднялся на верхний этаж, где располагался ресторан с видом напротив на парк Хибия и в правом направлении на территорию императорского дворца. Внимательно изучил меню, посмотрел на часы, как будто куда-то торопился, и вернулся к лифтам.

Выйдя из отеля, Торопов повернул направо и через несколько сотен метров свернул еще раз направо на Сёва-дори, ведущую в квартал Гиндза.

Торопов зашел в «Мицукоси», продефилировал по этажам универмага, чтобы еще раз провериться. Похоже, что не задымил.

Корреспондент покинул универмаг и пошел к входу в ресторан на противоположной стороне переулка. Недалеко от входа на платной парковке стояла автомашина представительства советской авиакомпании. Пассажиров в ней не было видно, но и знак опасности – мигающие желтые огоньки аварийной стоянки – тоже отсутствовали.

Торопов вошел в ресторан и поднялся на второй этаж, где находились отдельные кабинеты. До встречи с депутатом парламента, видным деятелем правящей партии Моринойгой оставалось еще сорок пять минут.

Веригин, Мазун, Лоськова и другие оперативники продолжали вести наблюдение за входом в ресторан и подходи ми к этому заведению.

Ничего необычного не наблюдалось.

О чем беседовали советский журналист и японский парламентарий? Корреспондент мог провести вербовку депутата. Возможно, он передал подопечному новые инструкции или очередную сумму денег, если тот работал на Советы. Не исключен и такой вариант, далекий от вербовки: журналист передал в устной форме японскому парламентарии благодарность советского руководства за его объективную, благожелательную позицию по актуальным проблемам отношений между Японией и СССР. Об этом знали в Токио только три

человека: советский резидент и двое участников встречи.

Между тем, когда встреча с Моринойгой подошла к концу, Торопов поблагодарил его за оказанную честь встретиться с ним и выслушать устное послание.

Спустившись на первый этаж, журналист направился на кухню. Быстро пройдя мимо удивленных поваров и подсобных рабочих, он выскочил через неприметную служебную заднюю дверь в переулок, параллельный тому, куда выходила задняя часть универмага «Мицукоси», и оттуда – на основную улицу.

Торопов нырнул вниз в подземный переход, из которого был вход на станцию «Гиндза сан-тёмэ» Ginza Line. Сделав несколько пересадок, он вернулся на эту же линию метро и доехал до Роппонги. Около ворот и калитки в ограде вокруг территории советского посольства журналист появился как раз в тот момент, когда сотрудники посольства, жившие в жилом доме в ближайшем переулке, выходили на улицу после просмотра фильма в посольском клубе. Торопов юркнул в эту группу людей и вошел через калитку внутрь. Его машина уже стояла на парковке перед служебным зданием посольства. Он сел в автомобиль и не спеша поехал в Сибуя в отделение агентства. «Фильм понравился».

Автомашину корреспондента Торопова пригнал в посольство молодой сотрудник дипмиссии по просьбе старших товарищей. В данном случае он выполнил поручение съездить на метро в конце рабочего дня в МИД Японии и взять там в

холле информационные бюллетени. А заодно, когда отдельные сотрудники министерства уже потянутся к выходу, найти на стоянке автомобиль корреспондента Торопова под таким-то номером и приехать на нем в посольство.

* * *

Веригин шел по пустому коридору резидентуры, направляясь в кабинет, который он занимал вместе с Мазуном. В конце коридора распахнулась дверь, и из своего кабинета вышел заместитель резидента.

– Майор Веригин, зайдите к шефу! – приказал Октябрь Ильяч.

– Обязательно зайду, товарищ полковник! Но я пока капитан, а не майор, – осмелился возразить Веригин.

– С сегодняшнего дня – майор. Пришла шифротелеграмма о присвоении вам очередного звания. Воспринимайте это как аванс!

– Так точно! Постараюсь оправдать доверие!

– В самое ближайшее время у вас будет возможность доказать это делами, а не словами.

Резидент, в кабинет которого зашел Юрий, не стал отвлекаться на поздравления по случаю присвоения Веригину звания майора – не просто очередного звания, а звания, которое перевело его в категорию старшего офицера. Он сразу же перешел к делу:

– Веригин, ты освобождаешься на ближайшие недели, возможно, даже месяцы, от текущей работы. Тебе поручается очень ответственное, важнейшее задание.

– Выполню все, что будет приказано!

– Подожди рапортовать! Ты еще не услышал, что это за задание.

– Виноват!

– Хватит! Общие слова излишни! Хотя я понимаю, что присвоение звания майора всколыхнуло твою офицерскую гордость, – слегка улыбнулся резидент, все же затронув тему присвоения Веригину очередного звания. – Тебе предстоит провести операцию, которая должна стать вершиной работы всей резидентуры в текущий период! Но действовать ты будешь исключительно один, самостоятельно.

– Слушаю внимательно!

Резидент достал из сейфа фотографию и протянул ее Веригину. На фото среднего размера был изображен американский морской офицер лет тридцати с традиционной для военнослужащих США стрижкой – коротким ежиком. Веригин секунд десять изучал изображенное на фотоснимке лицо и вернул фото резиденту. Тот не спеша убрал фотографию обратно в сейф.

– Это первый лейтенант Стивен МакНелли. Офицер флагмана седьмого флота ВМС США ударного крейсера «Мидуэй», – коротко объяснил резидент.

– Понятно, – кивнул Веригин, несмотря на то что многое

ему было непонятно. Хотя кое о чем он уже догадался.

– Тебе, Веригин, предстоит войти с ним в контакт и завербовать.

«Задание прозвучало очень просто. Но выполнить его – чрезвычайно сложно, почти невозможно», – подумал Веригин.

Резидент будто прочитал его мысли:

– Действительно, задание очень сложное. Но именно на твоей кандидатуре мы остановили свой выбор с одобрения Центра.

На сей раз Веригин промолчал. Что он мог сказать? Задание действительно очень сложное, такое может выпасть один раз за всю карьеру. Но на нем можно сломать голову как в переносном, так и в прямом смысле.

– Из Вашингтона наши коллеги сообщили через Москву кое-какие наводки на этого МакНелли.

– И какие же именно? – с нетерпением спросил Веригин, уже почувствовавший волчий азарт.

– МакНелли страстный поклонник китайской кухни. Второй момент – он очень любит свою малолетнюю дочь, что называется, души в ней не чает.

– Это уже кое-что!.. – задумчиво произнес Веригин, хотя прекрасно осознавал, что этих данных явно недостаточно для успешного развертывания операции.

– Еще кое-что хочу сообщить тебе, Веригин, по поводу МакНелли и задания в целом.

– Постараюсь уяснить!

Резидент внимательно посмотрел на подчиненного и после паузы продолжил:

– Это факты для общего понимания ситуации, для уяснения всей ответственности задания. Офицер флагмана американского седьмого флота, действующего в бассейне Тихого океана, имеет доступ к информации, выходящей за рамки военных секретов и даже тактики Пентагона. Эта информация позволит четко и подробно представить в целом стратегию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

– Я понимаю! Это действительно ценнейшая информация... – вставил Веригин.

– Но это еще не все, – оборвал новоиспеченного майора генерал-майор. – Есть вещи, которые поважнее информации о стратегии США в АТР. И вербовка МакНелли может привести в итоге к доступу к важнейшим сведениям, касающимся национальной безопасности США.

– Каким же образом? – не удержался от вопроса Веригин.

– А вот каким! – живо откликнулся резидент. – Офицеры флагмана седьмого флота – это профессионалы высочайшего класса. И обычно их используют в дальнейшем на еще более высоком уровне.

– На каком же более высоком? Куда выше!

– Как раз есть куда! – воскликнул резидент. – По установленной у американцев традиции в соответствии с ротацией этих офицеров обычно переводят на службу в Пентагон.

– Да, это уже заоблачные вершины! – не сдержался Веригин.

– И мы должны покорить их!

Резидент еще раз показал фотографию Веригину. Тот коротко взглянул на фото.

– Я уже «сфотографировал» этот портрет.

– Веригин, даю тебе два дня на составление подробного плана операции.

– Есть! – коротко произнес Веригин, быстро встал и вытянул руки по швам.

– «Мидуэй» базируется в Иокосуке недалеко от Иокогамы в период заходов на Японские острова. Поэтому теперь тебе необходимо действовать в основном в этих краях! – дал последние наставления резидент.

Веригин молча кивнул головой, по-прежнему держа руки по швам, развернулся кругом и пошел к выходу из кабинета резидента, чеканя шаг. Огромная ноша свалилась на его плечи, на которых с сегодняшнего дня сверкали майорские погоны. Это задание перевернет всю его жизнь, подсознательно почувствовал Юрий.

– Веригин, ты из себя строевика не строй! – усмехнулся ему вдогонку резидент. – Твоя ценность – работать головой, а не щелкать каблуками.

Веригин уложился с планом операции в одни сутки и еще через день поехал в отделение советского информгентства в Сибую. Теперь дорога туда станет для него привычной.

В отделении агентства работала дежурная смена, в том числе корреспондент Торопов.

– Леонид, я к тебе с просьбой – обратился к Торопову Веригин, ни словом, ни взглядом не выказав особого отношения к коллеге, с которым совсем недавно участвовал в операции. Вернее, операцию проводил Торопов, а Веригин и другие оперативники лишь страховали его. В чем заключалась миссия Торопова – они не знали.

– Рад выполнить твое любое пожелание! Дипломаты для нас, журналистов, высшая каста! – съёрничал Торопов, бегло взглянув на Веригина.

– Я видел у вас на стеллажах папки с материалами по различным проблемам. Хотел бы ознакомиться с некоторыми из них.

– И какие конкретно темы тебя интересуют?

– Советско-японские экономические связи. Я пишу справку по этой теме, – ровным голосом произнес Веригин.

Леонид подвел Юрия к полке с толстыми папками с материалами по разделам, в которых подшивались материалы корреспондентов информгентства и вырезки из японской

прессы.

Веригин почитал названия на корешках папок, отыскивая интересующую его тематику. Вынул две папки. Но они не касались отношений между Советским Союзом и Японией в сфере экономики. На одной папке было написано: Военные базы США, а на другой – Японо-американский военный союз.

Веригин сел за свободный стол и стал перелистывать содержимое папки «Военные базы США». Вскоре ему попалось сообщение, которое он искал: «Флагман 7-го флота США ударный крейсер «Мидуэй» пришвартовался сегодня у причала американской военно-морской базы в Иокосуке. Цель захода крейсера в японский порт – отдых команды и пополнение запасов топлива, продовольствия и питьевой воды. Через три дня «Мидуэй», как сообщает японская пресса, покинет Иокосуку и отправится в поход в акваторию Тихого океана».

Юрий подошел к столу Леонида и молча показал ему сообщение о заходе «Мидэя» в Иокосуку, ткнув пальцев в строчку, где упоминалось японское информационное агентство. Торопов поднялся со своего рабочего места и направился в телетайпную. Веригин последовал за ним. Там дежурила телетайпистка Маргарита Мазун.

– Привет, Маргарита! – поздоровался Веригин с женой своего постоянного напарника. – Как поживаешь? Выглядишь прекрасно!

– Добрый день, Юрий! Рада тебя видеть! – ответила Маргарита, внимательно посмотрев в глаза Веригина.

Торопов вынул из одной из ячеек, где хранились отдельно сколки сообщений корреспондентов их агентства и японского информационного агентства, подшивку японского агентства. Там были сообщения на английском языке и на японском иероглифами. Леонид протянул Юрию подшивку материалов японского информагентства, и они вернулись в основную комнату отделения.

Веригин принялся перечитывать сообщения японского агентства. Освещались самые разнообразные события в Японии. Эти сообщения чередовались с корреспонденциями из зарубежных стран. Но большую часть информации составляли сообщения именно о том, что происходило на Японских островах.

Веригину повезло: среди корреспонденции о работе парламента, съезде Кэйданрэн – Федерации экономических организаций Японии, представляющей собой ведущее объединение японских предпринимателей, съемках фильма с участием звезды японского кинематографа Тосиро Мифунэ, попалась информация, ради которой Юрий и приехал в отделение советского информагентства.

«Американский ударный крейсер «Мидуэй» прибудет завтра, в пятницу, в порт Иокосука на военно-морскую базу США. Это 18-й заход флагмана 7-го флота США в Иокосуку в текущем году». Японское агентство давало анонс важных

событий, а не только освещало то, что уже свершилось. Это было чрезвычайно важно для Веригина.

Юрий отнес подшивку с сообщениями в телетайпную и положил в ту же ячейку, откуда ее достал Леонид. Маргарита оторвалась от телетайпа, где набивала очередной журналистский материал, и пальцем показала на дверь. Встала из-за телетайпа, вышла из этого помещения в комнату корреспондентов и направилась на выход. Веригин последовал за ней.

В маленьком внутреннем двореике Маргарита дождалась Юрия и заговорила шепотом, когда он приблизился к ней:

– Что-то вы заработались с Богданом совсем! «Ни днем, ни ночью отдыха измученной душе!»

– Маргарита, что ты имеешь в виду? – также шепотом спросил Веригин.

– Как что? И днем вы работаете, и ночью!..

– Я не совсем понимаю тебя, – мягко сказал Юрий, лихорадочно соображая, что же скрывается за словами жены Мазуна.

– За примером далеко ходить не надо! Позавчера Богдан вернулся домой под утро. Сказал, что был на деле вместе с тобой, – выпалила Маргарита.

При этих ее словах Веригин прижал палец к губам. Во дворе их тоже могли прослушивать из одной из квартир жилого дома напротив.

Веригин ничего не ответил на жалобу Маргариты по по-

воду занятости ее мужа на работе.

Позавчера ночью Юрий не был нигде с Мазуном, а спал дома.

* * *

На следующий день, в субботу, Веригин встал пораньше и принялся хозяйничать на кухне. Выжал вручную (не включая миксера, чтобы не разбудить жену) два стакана апельсинового сока, сварил четыре яйца «в мешочек» и поджарил тосты. Когда Елена проснулась, завтрак был уже готов. Юрию предстояло добиться расположения Лены на выходные, чтобы провести их с женой на прогулках с заходом в ресторанчики пообедать, а не в походах по универсамам.

– Леночка, как ты смотришь на то, чтобы сегодняшний выходной день посвятить спокойному времяпрепровождению? Без суеты и беготни, – вкрадчиво начал Юрий.

– У тебя какое-то конкретное предложение? – настороженно спросила Елена, с ходу догадавшаяся, что отдых по плану Юрия не принесет ей пользы и удовлетворения.

«И завтрак он приготовил!.. Не к добру это», – логично предположила жена дипломата.

– Давай съездим в Иокогаму! Погуляем у моря, пройдемся по городу, – предложил Юрий с самыми добрыми и чистыми намерениями. – Давно не выбирались из Токио...

– Что это тебе приспичило в Иокогаму? Тоже крупный

город, хотя поменьше Токио.

– Это не просто большой город, но крупный порт, претендующий на звание порта номер один в Японии, – стал терпеливо объяснять Юрий. – Город на море.

– Токио тоже расположен на побережье. Токийский залив не в счет? – парировала Елена.

– К тому же в Иокогаме имеются большие универмаги, каких нет в Токио. Там есть универмаги не из сетей, как например, «Мицукоси», а самостоятельные торговые гиганты.

– Но ты же предложил поехать «погулять», «без суеты и беготни», подразумевая, видимо, отнюдь не прочесывание торговых площадей.

– Можем успеть и погулять, и пообедать, и по магазинам прошвырнуться, – миролюбиво заключил Юрий.

Они поехали в Иокогаму на посольской машине, приписанной Веригину. Ему нечего было скрывать, он ехал с женой в субботний выходной день на прогулку в соседний город.

В Иокогаме они погуляли в приморском парке. Потом прошли по длинным торговым рядам, где продавалось все, что угодно: рубашки, блузки, бейсболки, носки, куртки, шкатулки, самурайские мечи, бейсбольные биты, бижутерия, веера.

Наступило обеденное время. Елена предложила перекусить в кафе в ближайшем универмаге. Похоже, она не собиралась обойти вниманием местные универмаги.

– Предлагаю посетить Чайна-таун! Там продаются самые экзотические вещи. Заодно заглянем в китайские рестораны, – без всякой задней мысли сказал Веригин.

– Ладно, будь по-твоему! – нехотя согласилась Елена. Она все же не оставила мысль после обеда наведаться в иокогамские универмаги. Пойдет навстречу желанию мужа по поводу Чайна-тауна, а он должен будет расплатиться в ответ согласием на посещение универмага.

Чайна-таун представляет собой квартал китайских лавок и ресторанов. Там торгуют товарами из Китая, с Тайваня, а также японской продукцией. Из самых необычных и неординарных товаров выделяются настойки из корня женьшеня, гребни из бивней слонов, складные металлические дубинки (то ли для того, чтобы бить ими по головам врагов, то ли для того, чтобы отбиваться от бездомных собак). Заведения общественного питания отличаются как по размеру, так и по ассортименту. В недорогих точках общепита выставлены на витринах плоские лепешки с лапшой, тарелки с тонко нарезанной свининой. В ресторанах подороже посетителям предлагаются разнообразные мясные и рыбные блюда. Напитки от китайской водки маотай, отличающейся особой крепостью, до японского сакэ, формально считающегося рисовой водкой, но весьма слабой для водки: восемнадцать градусов в холодном виде и двадцать один – двадцать три градуса после подогрева в горячей воде в керамическом кувшинчике, откуда сакэ разливают по маленьким рюмкам из такого же

материала.

Веригины стали выбирать заведения побольше и соответственно подороже. В первом Юрию не понравился интерьер. Во втором он обратил внимание на малочисленность посетителей, что могло свидетельствовать о недостаточной популярности этого ресторана. Наконец, в третьем самом большом и дорогом ресторане они приземлились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.